

К 84.89 (=498)

А 47

4-42250

АСАН УСАПЕ

ВАЙАРАН-ВАКАР

Национальная библиотека ЧР

4-042250

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Моргаушская типография Зак. 1296 Тир. 10.000 1981 г.

Ур

К84.89(=Ур)

447

Асан УҘАПЕ

ВҘЙҘРАН - ВҘКҘР

Ур

ИТРАЙ, ДА МЕРУ ЗНАЙ

Шупашкар
«Сенё ВҘхӓт»
2009

УДК 821.512.111-93
ББК 84(2Рос=Чув)6-4
А 90

*Кёнекене мӓнукӓмсене — Наташӓна, Вадима,
Пашӓна тата Настӓйна халаллатӓн*

*Книгу посвящаю внукам —
Наталии, Вадиму, Павлу и Анастасии*

Ӓсан Усӓпё.

Вӓйӓран — вӓкӓр. Калавсем. — Шупашкар:

«Сёне Вӓхӓт», 2008. — 112 с.

*Кёнекене Ӓсан Усӓпё сыравсӓн юлашки сулсенче икул сулӓнчи
ачасем валли сырӓн тӓван тавралӓх, атте-анне, тус-юлташ,
чёр чунсемпе кайӓксем, ырӓ ёс пёлтерёшлё те вӓлтса вёрентсе
каланӓ калавсем кёне.*

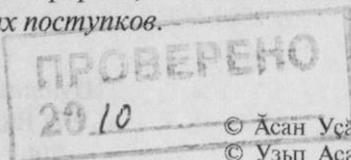
Узӓп Асан.

Играй, да меру знай. Рассказы. — Чебоксары:

«Новое Время», 2008. — 112 с.

*В книгу писателя Узӓп Асана, посвященную юным читателям,
вошли новые рассказы о родной природе, о животных и птицах
нашего края, о значении добрых поступков.*

У-48250
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Чувашской Республики

© Ӓсан Усӓпё, 2008
© Узӓп Асан, 2008

Ырă ёс

Пёррехинче Трак пуххинче вуннăри Усăп «Тарзан» ятлă кино курать. Ёмёрлехех тыткăна илет ăна джунглире упăтесемпе, ытти чёр чунсемпе туслашса кайнă ача сăнарё. Кур-ха эсё: йывăр шăпаллă Тарзана тискер кайăксем те ăнланаçсё, хута кёреçсё, кирлё чухне пулăшаçсё. Пысăк шухăша каять сакăн хыçсăн Санькасси пионерё. Пирён тăрăхра мёншён упăте вăрманёсем, крокодил кўллисем сук-ши. Эпё те Тарзан пекех, вёсемпе пёр чёлхе тупма тăрăшаттăмччё... Сапла сывăрса каймасар шухăшласа выртать Усăп. Чим-ха, тавсарса илет вăl юлашкинчен, пирён патра та хамăра кура чёр чунсем пур-ске. Акă лашасем калăпăр: Сăлтăрка, Шусăм, Хёлхем... Е йытăсем: Кампур, Хураçка, Аньяр... Е тата вăрман кайăкёсем: ăсан, карăк, ўхё... Мён чăрмантарать мана вёсемпе паллашма, хама майлă сыхăну йёркелесе яма?

Хайён ентешён Куçма Чулкасăн «Сунарçă халапёсем» кёнекепе паллашнă хыçсăн Усăпăн хамар таврари сўт санталăкпа сывăхланас кăмăлё тата ытларах сирёпленет. Вăl йывăсене, курăкене, юхан шывсене, сăл куçсене сăнама тытăнать. Кашниншёнех мёнле те пулин усăллă, вёсемшён юрăхлă ёс тавасси пирки шухăшлама тытăнать. Сапла пёррехинче Усăп такам пёвене тухса янă йытă сўрине килне илсе каять, амăшёнчен ирёк ыйтса ăна пёрле усрама тытăнать. Курăсар: илемлё, ăслă, вайлă йытă пулса ўсет Туслик. Чи хакли — вăl Усăп хайне вилёмрен хăтарнине ниҳсан та манмасть. Манмасть кăна та мар, вăl хай те пурнăсри йывăр самантра Усăпа чи шанчăклă тусё пек пулăшать. Акă мёнле пысăкланса пырать иккен ырă ёс хăвачё!

Ўсет сапла Усăп, вăтам школ пётерет, сар ретёнче тăрать, икё аслă пёлў илет, журналист пулса тăрать. Анчах хай сўт санталăк тусё пулнине нимрен те мала хурать. Хамар тăрăхри йывăссем сінчен, паллă ентешсем

синчен кёнекесем сырса каларать въл, Ёсан Усӑпё ят илет. Сын сӑт сӑнталак патши мар, сӑт сӑнталак ачи пулни синчен асилтерсех тӑрать хӑйён хайлавёсенче, ыра ёс пёлтерёшне усса парать.

Пёррехинче эфир Чӑваш сыравсисен пысӑк ушкӑнёпе хамӑран чаплӑ поэтӑмӑран Сеспёл Мишшин амӑшё Укахви аппа суралса уснё яла, Трак тӑрахёнчи Шывпус Чуракассине кайрамӑр, сӑваплӑ сёре-шыва ушкӑнпа пус тайрамӑр.

Пирён йышра въл вӑхӑтра Берлинта пурӑнакан Геннадий Айхи поэт та пурччё. Юнашарти Санькасси ялёнчи пёвёре икё пӑт туртакан суйӑн пулӑ ўстернё Ёсан Усӑпё сыравсӑпа хаваспах паллашрё въл.

Каярахпа, Красноармейскинчи культура суртёнче тёлпулу ирттернё чухне, ларӑва ертсе пыраканё — халӑха Ёсан Усӑпёпе паллаштарнӑ чухне въл икё пӑт мар, висё пӑт туртакан суйӑн ўстерни синчен пёлтерчё.

— Эсир Шывпус Чуракассинче икё пӑт тенёччё-ске, — терё залра ларакансенчен пёри.

— Юлташсем, тархасшӑн, ан иккёленёр, лайӑх алӑра суйӑн питё хӑвӑрт ўсет, — терё хайхи каласӑва хутшӑннӑ Геннадий Айхи.

Пухӑннисем пурте тӑвӑллӑн алӑ сӑпса ячёс.

Халё ёнтё каллех пирён алӑра тӑван тавралӑх, атте-анне, тус-юлташ, чёр чунсемпе кайӑксем, ыра ёс пёлтерёшё синчен калакан сёнё кёнеке. Сыраканё — Ёсан Усӑпё.

Ыра кёнекене вулама ыра вӑхӑт пултӑр, юратнӑ мӑнукӑмсем.

*Юрий СЕМЕНТЕР,
Чӑваш Республикин халӑх поэччё*

В добрый час

Однажды на ярмарке в Траках десятилетний Узып увидел кинофильм «Тарзан». И на всю жизнь запомнился ему образ мальчика, живущего в джунглях с обезьянами и другими животными Тропических лесов. Надо же: Тарзана, оказавшегося вне человеческого общества, понимают, принимают за своего, в нужное время помогают и звери. Прямо в душу запал этот образ пионера из Санькасов. Почему же в наших краях нет обезьяньев чащ и крокодиловых озер, я бы тоже постарался бы найти общий язык с ними. Так, не засыпая вечерами, думает Узып о человеке и о животном мире. А погоди-ка, приходит он к мысли, ведь у нашего края есть свои братья меньшие. Вот, например, лошади: Звездочка, Волна, Заря... или собаки: Камбур, Хуразька, Аньяр... Или вот летние птицы: тетерев, глухарь, горлица... Что мешает мне познакомиться с ними, войти в их доверие, завести с ними дружбу?

Познакомившись с книгой своего земляка Кузьмы Чулгася «Охотничьи рассказы», мальчик решительнее устремляется к дружбе лесным миром. Он по-своему начинает изучать жизнь деревьев, лесных родников и речушек. Для каждого из них старается сделать какое-либо благое дело. Так, однажды Узып и замечает в деревенском пруду не успевшего утонуть щенка и забирает к себе домой. С разрешения матери оставляет его жить у себя. И вот впоследствии этот щенок вырастает статным, сильным, умным псом по кличке Туслик. Что характерно: он никогда не забывает о том, как Узып спас его от неминуемой смерти. Не только не забывает, но в трудный час и сам, не задумываясь, приходит на помощь к другу.

Время идет. Наш Узып оканчивает среднюю школу, проходит службу в армии, получает два высших образования, становится журналистом. Но при всем при

этом дружбу с природой он ставит превыше всего. О наших лесах, о славных земляках он издает несколько книг, становится известным писателем по имени Узьп Асан. Каждый раз он напоминает о том, что человек, при всей его силе и разуме, не является царем природы, а её заботливым сыном. Раскрытию этой темы посвящены его рассказы и повести.

Однажды большой группой чувашских писателей ездили в деревню Шивбоси-Чурино, где родилась мать поэта с пламенным сердцем, основоположника новой чувашской поэзии Сеспеля Мишши, тетя Укахви, поклонились священной земле от имени чувашских литераторов.

Среди нас был и всемирно известный поэт Геннадий Айги, живший в то время в Берлине. Он с удовольствием и с особым трепетом в душе познакомился с певцом чувашской природы с Узьпом Асаном, родившимся и выросшим в соседних Санькассах.

В тот же вечер на встрече с читателями в Красноармейском районном Доме культуры, ведущий программы представил народу Узьпа Асана как писателя-рыболова, вырастившего в местном водоёме сома весом в три пуда.

— Подождите-ка, — раздался голос в зале, — вы же недавно в Шивбос-Чурино сказали, что он вырастил двухпудового сома.

Тут в разговор вмешался Геннадий Айги:

Друзья, пожалуйста, не сомневайтесь, в хороших руках сомы прибавляют в весе очень быстро.

В зале раздались оглушительные аплодисменты. Юмор пришелся кстати.

Дорогой читатель! В наших руках новая книга о родной природе, о животных и птицах нашего края: о значении добрых поступков. Ее автор — наш друг Узьп Асан. Доброго часа для чтения доброй книги желаю вам, мои юные друзья.

*Юрий СЕМЕНДЕР,
народный поэт Чувашской Республики*

Пёрремёш урок

Тулюс ял хёрринчи Катек текен урамра пурӑнать. Эпир унпа хамӑр мён астунӑранпах юлташлӑ. Ирхине ыяхӑран вӑрансанах е Тулюс пирён патне чупса килет, е эпӗ вӗсем патне вӗстеретӗп. Вӑрманна сырла татма, ыраш пуссине пучах пустарма, ӗне ситерме — таҫта та пӗрле сӗретпӗр.

— Йӗкӗрӗшсем пекех эсир, ялан юнашар, — теҫҫӗ пире пурте. — Шывпа сапса та уйӑраймӑн сире.

Тулюссен анкартийӗ Павӑл пиччесен пахчипе чикӗленет. Ялта вӗсене Тавӑт йӑхӗ теҫҫӗ. Павӑл пичче вӑрҫӑра урине те, аллине те йывӑр амантӑ. Вӑл уксахлать ҫеҫ мар, аллине кӗреҫе те тытаймасть. Кӑмӑлӗ лайӑх чухне вӑрҫӑ салтакӗ, пире, ачасене, хай нимӗс фашисчӗсемпе ҫапӑсни, вӗсен тискерлӗхӗ, совет салтакӗсен туслӑхӗ те патӑрлӑхӗ ҫинчен каласа парать. Анчах та хай мӗнле аманнине асӑнмасть те.

Пӗр ҫуллахи ир Тулюспа вӗсен пахчине кӗпҫе ҫиме тухрӑмӑр. Ешӗл ҫерем Варринчи пӗве сыранне ситиех тӑсӑлать. Ӗнтӗ сар пуҫ, майра кӗпҫи, кӑшкар ути — ывӑҫ тулли. Леререх, умра, кушак кӗпҫи курӑнса кайрӗ. Унталла туртӑнтӑмӑр кӑна, е пӗр-ик кӗпҫешер татса илме ӗлкӗртӗмӗр-и, ҫав вӑхӑтра пахчана тухӑ Павӑл пичче:

— Катипи, чара! Курӑка мӗншӗн таптатӑр?! — тесе уксахласа, вырӑн-вырӑнпа йӑлт-йӑлт сиккелесе илсе пирён паталла васкарӗ. Ҫӗллӗ ӗснӗ курӑка пула эпир пахча чиккине асӑрхаман та.

Ывӑҫри кӗпҫесене айӑккинелле петӗмӗр те: «Тавӑт, тавӑт, чӑлах!» — тесе пӗве пуҫне сикрӗмӗр. Пилӗк таран шыва чампӑлтаттарса сулахай ҫырана

тухрамър. Хамър тәрәх шыв юхтарса пёве сыранёпе
ҫаплах Павъл пиччене витлесе чупатпәр.

Хайхи Тулюспа пирён пата ҫитрёмёр. Атте,
выльәхсене кётуне янә хыҫһан, кил карти тасатать.
Вәл пире курчә те: «Мён пулнә сире? Шывлә лаххана
кёрсе үкнә чёпсем пек йёп-йёпе», — терё.

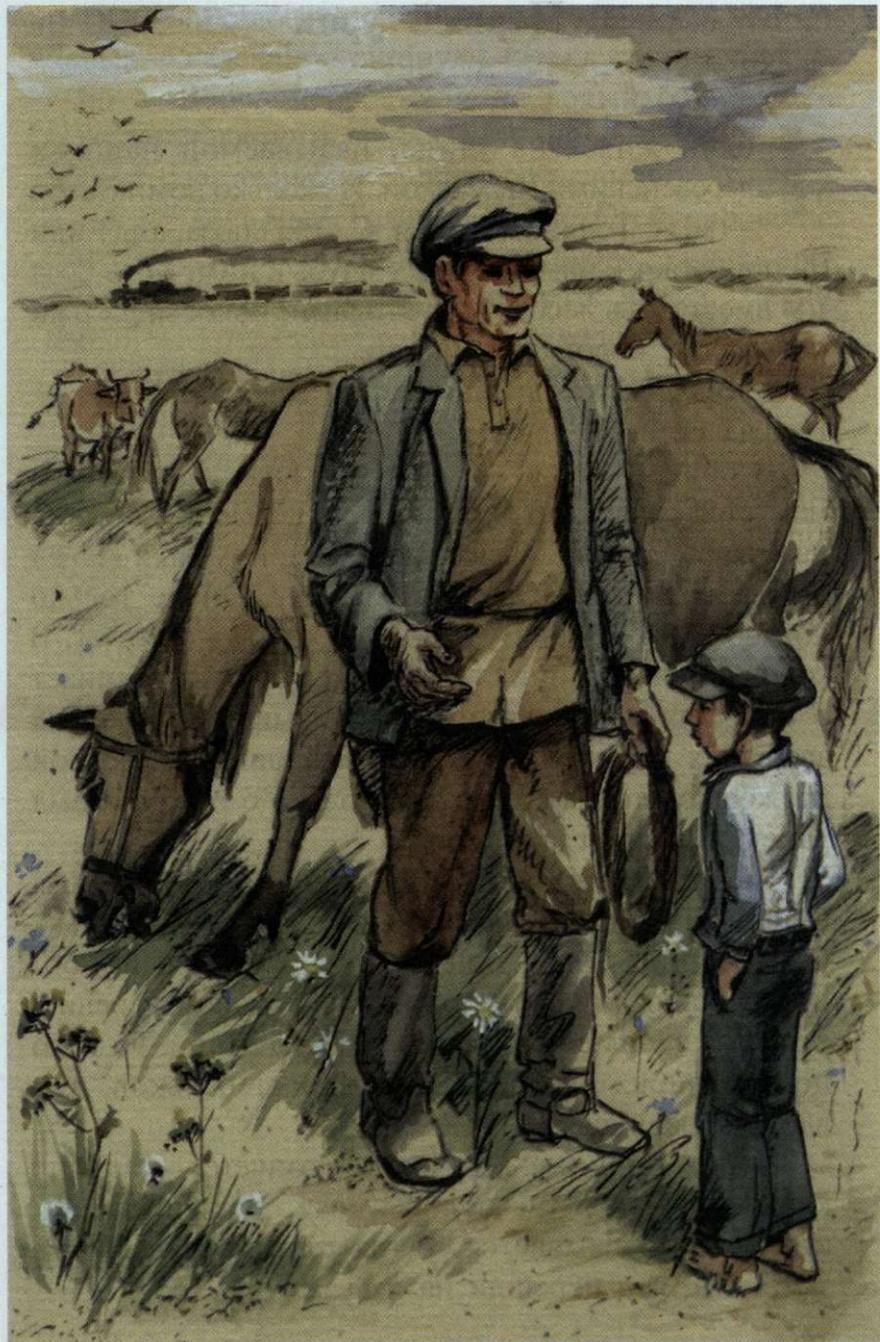
Эпё аһа мён сиксе тухнине тёпё-йёрёпе каласа
патәм. Суй-ха, пёлсен...

— Кил-ха кунтарах, — терё атте.

Юнашар пырса тәрсан вәл мана аләран тытрё,
пилёкөнчи чён пиҫиххине салтрё те: «Ют пахчана ан
кёр, ҫын япалине ан тыт, аслисенчен ан кул, ан
тәрәхла!» — тесе виҫё хутчен купарчаран «әшаласа» илчә.

Ҫакә атте ёмёрлөхе панә пёрремёш урок пулчә.

Первый урок

Толян живёт на улице, называемой нашими деревенскими Кадекской. И сколько помню себя — мы с Толяном друзья. С утра спозаранку или он прибегает к нам, или же я мчусь к ним. Хоть куда мы вместе — в лесок ли за ягодами, колосья ли ржи подбирать, коров ли выпастить.

— Вы прям как двойняшки, — говорят нам все. — Не разлей вода.

В общем, Толян — друг что надо. Их усадьба межуется с участком дяди Павла. В деревне его родню называют Давид-Давыдовской. В войну дядя Павел был тяжело ранен в руку и в ногу. Он не только ковыляет, но и лопату в руках держать не может. В хорошем настроении старый фронтовик вспоминает о батаях с фашистами, рассказывает нам об их зверствах и, конечно, о ратных подвигах и боевой дружбе советских солдат. Но только о том, как был ранен — никогда ни слова.

Как-то летним погожим утром мы с Толяном вышли на их усадьбу полакомиться молодой зеленью. Она у них большая, тянется до самого Срединного пруда. Набрали конского щавеля, тмина. Впереди в сторонке заметили ещё и берденец. Только подтянулись, сорвали несколько стебельков, как вдруг объявился дядя Павел:

— Вот окаянные! Всю траву истопчете! — смешно ковыляя, чуть ли не подпрыгивая, поспешил он к нам. Мы, оказывается, из-за густой травы и не заметили, что перешли на их участок.

Кинули стебельки и с криками: «Давыд — убогий! Давыд — калека!» — сиганули через луг и плюхнулись в пруд. Вброд перебежали на левый берег и, не переставая дразнить дядю Павла, помчались дальше — только вода ручьями стекает со штанов.

Добрались мы с Толяном до нас. Отец, спроводив скотину на выгон, убирается во дворе. Увидел нас, мокрых, и спрашивает: «Что это с вами? Словно цыплята, угодившие в лохань с водой».

Я и рассказал ему всё начистоту. Попробуй соври... — Поближе подойди, — сказал отец.

Как встал рядом, схватил он меня за руку, снял кожаный ремень и три раза прошёлся по моей спине со словами: «Не ходи на чужой огород, не бери чужого, не насмехайся над старшими».

Это был первый урок, преподнесённый мне отцом, который я запомнил на всю жизнь.

Тимёр кәмака

Иртнә ёмөрән хәрәхәмеш сүлөсем вәсленнә чухнехи хөлсем сав тери сивә килчәс. Пүрте кәмака хутса ашәтма вутә тивәсмест. Каҗпа аслисем вәрмана кайса йәтса килнә шәшкә те авас, сәка шанки-саппи (юманшән төрмене хупма та пултараçсә) чөрөрен кәмакара йәсәрланса, шыв юхтарса сәс ыртать. Чүрече кантәкә синче — пүрне хуланаш юр-пәр: Хөл мучи саванса төрлө үкерчәк тавать.

Юрать пирән тимёр кәмака пур. Ана Виттеҗ пичче Канашири вакунсем юсакан заводра тутарнә. Унта сәр кәмрәкә сунтаратпәр.

Пичче Канашран — Шупашкара е каялла тавар турттарақан пәравус синче ёслет. Вәл — машиниста пуләшаканә. Сәр кәмрәкә пичче Канашра туянать, ял төләнче тәкса хаварать. Чугун сүл ялтан сүхрәм сүрәра иртсе каять. Сәр кәмрәкне сүнашкапа туртса килетпәр. Печәк пулсан та эпә те пуләшатәп аслисене ку ёсре.

Атте — синче те вәрәм. Сүлләшәпе а́на ялта ситекен сук та пуль. Вәл ялан майәхпа сүрет. Атте самай вәхәт Владимир хулинче хими заводәнче ёсленә, вәрсә тути-масине те астивнә. Ун сывләхә хавшасах пырять. Вәл ялти пушар хураләнче ёслеме пәрахрә, колхоз лашисен витине тата тырә кәлечә-амбарёсене сәс хураллать.

Пёррехинче килте аттепе иккөнех. Тулта шартлама сивә пулсан та вәл мана ярәнма тухма чармарә. Хай сәпата хуҗса юлчә.

Юлташ патне, Мирун хушшинчи сүрмара ярәнма ёмөтленсе, сүна туртса утрәм. Сур сүла ситнә төле

Хёл мучи пит-куса чёпётме тытәнчё. Çан-сұрама та сивё сарпё, алә пұрнисене те тәм илет пуль пит сәмартине ывақ тупанёпе хупланәран. Киле, тимёр камака ашшине таврәнма шутларәм.

Пұрте кёрсен тўрех камака патне пытәм. Хёрсе ситнёскер витёр курәнать тейён. Такам хушнән-илёртнёрен, темле вая парәнса камакана пұрнепе тёксе илес килчё. Шёвёр пұрне тирё самантра писсе кайрё.

— Ай-ай! — кашкәрса ятәм. Куçран куçсулё шәпәр-р юкса анчё. — Пұрнене пёсертрём!

— Кирлё мар сёре мёншён аллуна чикетён? Чёлхуна тёмеллеччё! — тесе каләплә сәпатапа яра пачё аттте. — Пусу аста? Аңа сёлёк тәхәнма сес лартса паман! Пилёкна хытә сых, асна сирёп тыт! Тепрехинче пұрнуна аләк хушине чик!

Печка-буржуйка

В конце 40-х годов прошлого века стояли суровые зимы.

Катастрофически не хватало дров. Ночью старшие приносят из леса хворост осины, липы, орешника (попробуй притащить дубовые ветки — ненароком и в тюрьму угодишь). Сырые дрова не горят, шипят соком и только тлеют, не дают жара. Стёкла окон покрыты ледяным панцирем в палец толщиной: Дед Мороз с превеликим удовольствием творит свои художества.

Хорошо, что у нас железная печка-буржуйка. Её сварили на Канашском вагоноремонтном заводе по просьбе брата Витяся. Буржуйку мы топим каменным углём.

Брат работает на паровозе, который курсирует с товарными составами между Чебоксарами и Канашом. Витясь — помощник машиниста. Уголь он закупает в Канаше и аккуратно сбрасывает её прямо на ходу поезда. Железнодорожное полотно проходит в полутора километрах от нашей деревни, и мы привозим сброшенный уголь на санках домой. Несмотря на малый возраст, я тоже вношу свою лепту в эту работу.

Отец мой худой и длинный. Пожалуй, нет больше в деревне человека его роста. Отец долго работал в городе Владимире на химическом заводе, хлебнул и военного горя. Здоровье стало его подводить. Вынужден был оставить работу сельского пожарного, теперь сторожит колхозные конюшню, амбары-клетки.

Как-то дома сидим одни с отцом. На улице лютый мороз, но отец разрешил мне выйти покататься. Сам всё возится с лыком, лапти плетёт.

Направился я с санками к другу, наметив кататься в овраге, который называют Мироновским. Не прошёл и полпути, как Дедушка Мороз стал не на шутку щипаться, аж лицо онемело. Продрог насквозь, чуть пальцы не обморозил, закрывая ладонью лицо. Повернул обратно — скорей к жару буржуйки.

Дома сразу подбежал к железной печке — раскалённой добела и потому казавшейся прозрачной. Бес что ли попутал, но печка завораживала, манила бело-малиновой красотой — так и хотелось притронуться к ней, погладить, что и сделал — огнедышащее железо слизнуло кончик указательного пальца. Как закричу, как зареву — слёзы фонтаном.

— Ай-ай! Палец обжёт!

— Зачем съёшь пальцы куда не следует, лишние они тебе?! — как запустит колодкой отец в меня. — Где твоя голова? На что она тебе — только шапку носить? Запомни: туже пояс, твёрже ум. Ты бы ещё руку дверью прищемлял.

Салтак пулатӑпах!

Урамра паян та ирех ӑшӑ. Миҫе кун ӗнтӗ хӗвел ҫӑр питне хӗрхенми хӗртет. Йывӑҫсен ҫулҫисем усӑннӑ, кайӑксем те кӑнтӑрла пит вӑҫмеҫҫӗ. Килти чӑх-чӑп — лупас айӗнчен, хур-кӑвакал шывран тухмасть.

Каҫхи сулхӑнра урам тулли ача. «Вӑрҫӑлла» вылятпӑр. Анкарти тӑрӑхӗнче е ҫырмара лаша хупах ҫулҫи татапӑр та унпа тусан-тӑпрана чӗркетпӑр, ӑна ҫӗлелле ывӑтатпӑр: «бомба» пӑрахатпӑр е «тупӑран» перетпӑр. Тусан кӗпе-йӗме, пит-куҫа хуп-хура тӑвать. Вӑл ҫавара та кӗрет, шӑл айӗнче кӑчӑртатать.

Тӗттӗмленет. Эпир те, «вӑрҫӑ вӑрҫакансем», килелле салантапӑр.

— Мӗн пулнӑ сана? — ыйтать анне. — Кӑмака пӑсрӑн-и е шахтӑра ӗҫлерӗн? Питӗ-куҫу, кӗпӗ-йӗммӗ йӑлт тусан айӗнче. Миҫе каламалла сана, ывӑлӑм, урамран килсе пӗрте кӗнӗ чухне алла та, пите те ҫумалла тесе. Ирпе те ҫавӑнмалла. Таса ҫӗрекене пурте хисеплет, унӑн сывлӑхӗ те ҫирӗп пулать.

Анне калани темшӗн манӑҫа тухать: ыран та, тепӗр кун та...

Пӗррехинче анне мана хамӑр умпа иртсе пыракан Улюк аппа ҫине тинкеререх пӑхма хушрӗ.

Ӑна курман мар — курнӑ. Унӑн сулахай енчи кӑшт хӑпарса тӑракан пит ҫамартийӗ хӗрлӗ-хӑмӑр тӗслӗ. Тутан усӑнса тӑракан ҫӗлти хӗрри тата хӑмӑр-хурарах.

— Улюк аппу та ача чухне ҫавӑнма ӗркеннӗ. Ҫавӑнпа унӑн пичӗ ҫапла илемсӗр пулса юлнӑ. Эсӗ те ун пек пуласшӑн-и? Санӑн сывӑ ҫитӗнсе пиччӗсем пек салтака каймалла, ҫӗршыва хӗтӗлемелле, — терӗ

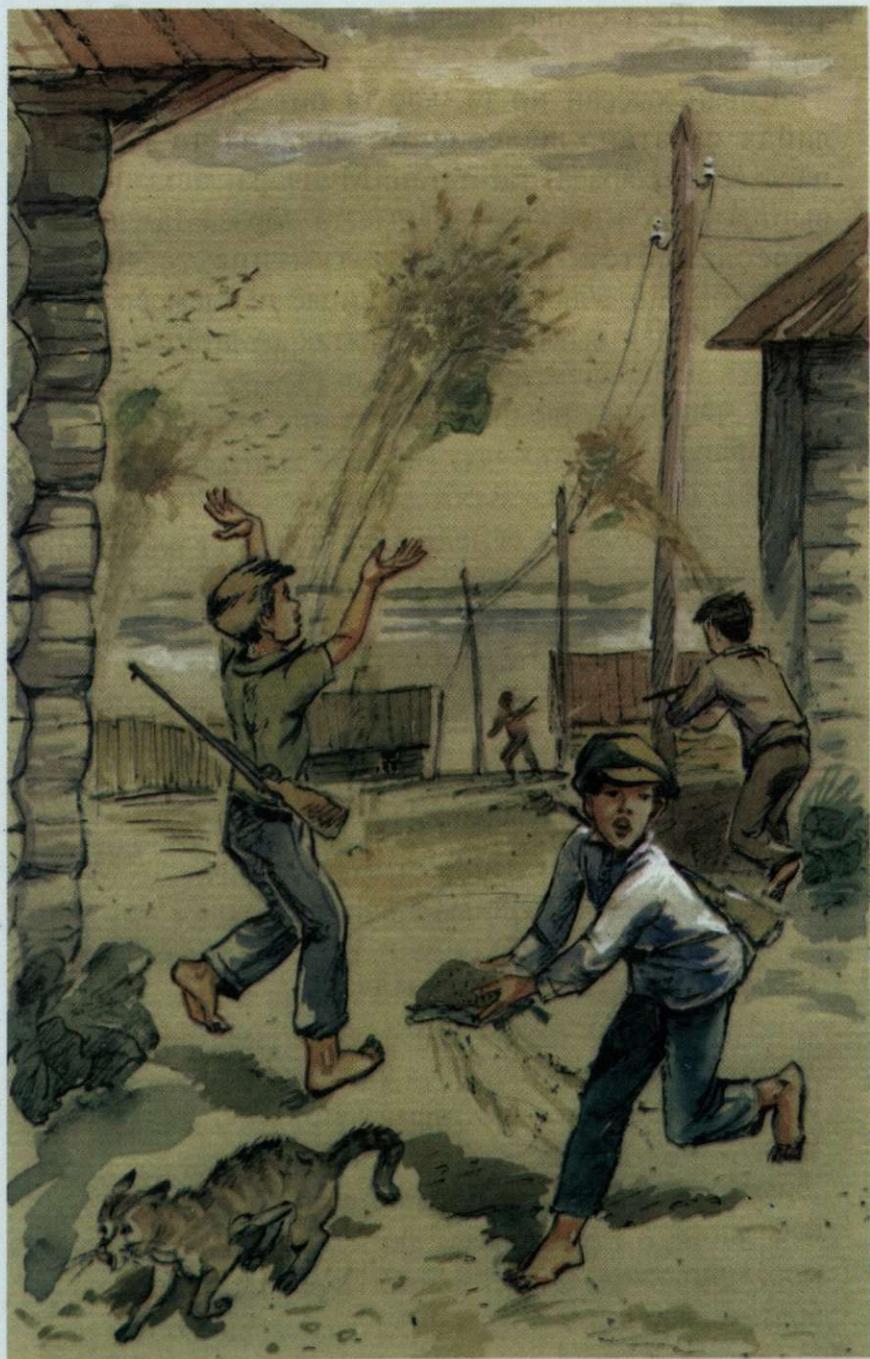
анне. — Таса сума пылчак та сыпашмасть. Сакна асра тыт ялан.

Саван хысшан ир те, каç та пит-куса супаньпе лайах саватп, шалсене те, халхана та (илтме пӑрахасран хӑраса) тасататп. Мунчара лавкка сине выртса вӑри милӑкпе сапанма та хӑраса тамастп, хирӗслеместӑп. Ёнтӗ кӑпе-тумтире те питех вараламастп. Улюк аппа пек чирлӗ те илемсӗр мар, пичесем пек сыва ситӗнсе салтак пулатӑпах.

Ч-42250

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Стану я солдатом!

Сегодня опять припекает с самого утра. Уже который день солнце нещадно выжигает землю. Листья деревьев как-то завяли, даже птицы мало летают в жару. Во дворе куры клюва не высовывают из-под навеса, а гуси-утки целыми днями не вылезают из воды.

В вечернюю прохладу детвора высыпает на улицу. Девочки играют в лапту, мальчишки — в войну. Вдоль огородов, в овраге мы срываем листья лопуха, конского щавеля и готовим «заряды»: заворачиваем в них пыль и закидываем друг друга «снарядами» и «бомбами». Сами как черти — грязные и потные, вездесущая пыль попадает в глаза, скрепит в зубах.

Темнеет — и мы, весёлые и чумазные, расходимся по домам.

— Что с тобой? — спрашивает мать. — Печь разбирал или в угольном забое трудился? Сколько можно тебе повторять: зашёл домой с улицы — сразу руки мыть, и не только — и лицо заодно. И утром не забывай. Кто соблюдает чистоту — тот уважает чужой труд и дом родной, и здоровье бережёт.

Но вылетают из головы, почему-то, мамины слова: уже утром, да и после...

Однажды мама попросила повнимательней приглядеться к проходящей мимо окон тёте Ольге.

Вот не видал, сто раз я её видел. Но пригляделся. Левая щека припухла, темнеет какое-то красно-коричневое пятно. На обвислой верхней губе — вроде бы синяк.

— Вот как случается, сынок, а ведь тётя Ольга в детстве очень не любила умываться. Поэтому и стала такой. А тебе надо расти крепким и здоровым, отслужить в армии, как твои братья — Родину-то надо защищать, — промолвила мама. — К чистоте и грязь не пристаёт.

После этого я начал старательно умываться утром и вечером, чистить не только зубы, но и уши — боялся, что грязь забьёт их, и оглохну. Подружился с веничком в горячей баньке, не то, что раньше. Слежу за одеждой. Буду я солдатом, как братья, выростив здоровым. Не пример мне тётя Ольга!

Ватӑ сынран кулакан...

Пирӗн ялта арман пур. Чулне пӗр пысӑк поршеньлӗ пысӑк двигатель ҫавӑрттарать. Вӑл арман мелникӗ Кӗрмук пиччерен те ҫӱллӗ. Двигатель ӗҫленӗ чухне «хап-хап, хап-хап!» текен сасӑ таврари ялсенче те илтӗнет. Армана ҫӑнӑх авӑртма тӗрлӗ тӑрӑхри ялсенчен тулли михӗсем тиенӗ вун-вун лав килет.

Двигатель мазутпа ӗҫлет. Вӑл хӑвӑрт вӗриленет. Ӑна шывпа сивӗтесҫӗ. Арманпа юнашар ятарласа ҫӑл чавнӑ. Вӑл хӗлле, ҫу каҫипе шывӗ чакнӑран, типсе-шӑнса ларать. Шыва вара ҫывӑхри пӗверен йӑтаҫҫӗ.

Кӗрмук пичче чирленипе арман пӗр эрне ытла шӑп ларчӗ. Ют ял ҫыннисен ҫеҫ мар, хамӑр ялсен те ҫӑнӑх та кӗрпе, салат авӑртмалла. Катеке урамӗнчи Ҫтаппук мучи те армана умлӑ-хыҫлӑ виҫӗ кун анса пӑхрӗ.

Ака уйӑхӗн пӗрремӗшӗ. Ҫак кун ҫынсем пурте пӗр-пӗрне суйма тӑрӑшаҫҫӗ. Кам шутласа кӑларнӑ ҫакна? Тӗлӗнмелле. Манӑн мӗншӗн суяс мар. Катеке, Ҫтаппук мучисем патне чупрӑм. Кӑкараӑнса тӑракан кашкӑр пек йыттинчен хӑрамасӑр ҫенӗкелле иртрӗм. Алӑкне хӑвӑрт уҫма пултарнипе ҫеҫ йыт ҫаварне «лекеймерӗм».

Пӑртре, никам та ҫук тейӗн, шӑп. Кӑмака хыҫӗнче шӑрчӑк сасси уҫӑмлӑ илтӗнет. Мучи арӑмӗ, Варуҫ мӑнакка, икӗ куҫӗ курмасть пулсан та, нуски ҫыхса ларать. Мучи кукаґр чӗлӗмне тасатать.

— Ҫтаппук мучи, сирӗн арман авӑртмалла вӗт, шыв йӑтма чӗнеҫҫӗ, — терӗм те пӑртрен хӑвӑрт тухрӑм.

Эпё урам кётессине җитнә җерелле Җтаппук мучи витрине йәтса ман хыҗранах арманалла утрё.

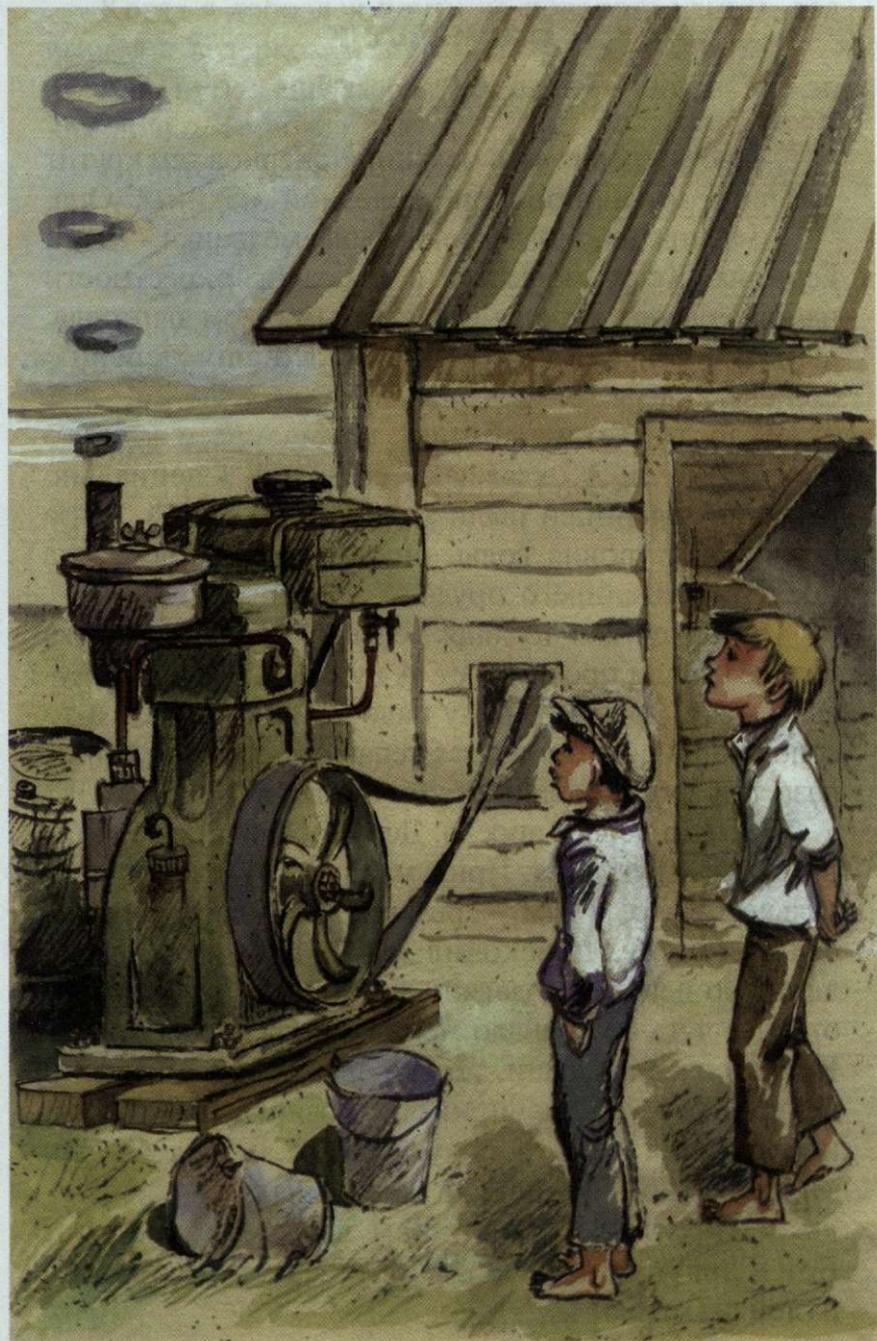
Җула май Тулюҗ патне кёрсе Җтаппук мучине улталанипе мухтантәм.

Эпё киле җитнә җёре Җтаппук мучи пирён патра лара парать. Ырә марра сиссе тўрех кәмака җине хәпарса кайрәм.

— Хәв айәплине туйса илтән-и, — терё кәмака умёнче тәрмашакан анне ыйтнән. — Вәл лайәх. «Ватә җынран кулакан ватта юлса хән куракан», — теҗҗё. Җавна асра тыт ялан, ывәләм. Ёмёр сакки сарлака: хәвран тәрәхлакана, хәвна суякана та туйма-әнланма вёренмелле.

Җтаппук мучи нимён те шарламасәр пўрт аләкне хуллен хупса тухса кайрё.

Насмешник

У нас в деревне есть мельница. Жернов там крутит огромный поршень железной махины. Она, махина эта, возвышается выше мельника — дяди Германа. Когда мельница в действии, окрестности наполнены прерывисто-раскатистым гулом двигателя. И вот с ближайших деревень в нашу деревню стекаются десятки груженных возов.

Чудо техники работает на мазуте и быстро перегревается. А охлаждают её водой. Специально рядом с мельницей рыли колодец, но зимой, из-за понижения уровня воды, он замерзает. Воду тогда носят с ближайшего пруда.

Приболел как-то дядя Герман, и мельница уже больше недели простаивает. А нужна она всем: кому-то — муку, другому крупу надо намолоть, у кого-то солод кончился. Вот и дед Степан с Кадекской улицы раза три уже к мельнице на «разведку» ходил.

Настало первое апреля. День забавный: все хотят разыграть друг друга. Придумали же, чудачество — и только. А что, я вам — рыжий? Взял да побежал к деду Степану, проскочил мимо посаженного на длинную цепь волкодава и стрелой в сени — волчье отродье чуть не сцапало меня, — и ввалился в избу. Будто в избе ни души, только сверчок разошёлся за печкой: без усталости чирикает. Хозяйка, баба Вера, носки вяжет, хоть и полуслепая. Сам дед Степан занят чисткой чубука. Я с ходу выпалил:

— Дедушка Степан! Вам ведь муку молоть? Вот и зовут тебя воду носить, — и сразу обратно пулей из избы.

Когда я добрался почти до поворота улицы, дед вышел с ведёрком и двинулся вслед за мной.

А по пути я ещё свернул к Толяну — похвастаться, как ловко я провёл деда.

Пришёл, наконец, домой, а у нас в горнице дед Степан сидит — вот дела. Почувяв недоброе, сразу залез на печку.

— Осознал вину, — говорит, будто спрашивает, мама, возившаяся у печки. — Это хорошо. Говорят, кто смеётся над старостью, тот сам в старости и натерпится. Запомни это, сынок: жизнь прожить — не поле перейти.

Дедушка Степан, так ни слова не промолвив, тихо закрыл за собой дверь...

Урӑх ун пек тумӑп

Пирӗн пахчара вун икӗ улмуҫси. Вӗсенчен виҫсӗшӗ — анис, икӗ тӗслӗ китаика, ыттисем тӗрлӗ сортлӑ пан улми тата пӗр груша йывӑҫси. Симӗҫсем те тӗрлӗ тутӑллӑ. Киле-султа, тӗрлӗ хуратпана та улмуҫси пахчине аттепе анне Пракух Усукӗнчен туйнӑ. Вӑл ҫемйипе Ҫӗпӗре ҫӗн ҫӗре куҫса кайнӑ.

Садри йывӑҫсем чылай сулхисем — пӗринчен тепри сулӑрех,. Вӗсен вуллисем пысӑк витре пек. Виҫӗ вулӑллӑ-уснӗ улмуҫсин ҫӗр ҫумнерехри пайӗ ал арманне капашать. Унӑн симӗҫӗ пылак та тӑпӑрка. Улмуҫсисем пӗри те тепри сул сиктерсе симӗҫ парасҫӗ. Ҫавӑнпа кашни сул пан улми нумай. Симӗҫе хӗлле валли шура чулран ятарласа тунӑ нӗхрепе хуратпӑр.

Ялӗ пӗчӗкх мар пирӗн, ҫурчӗсен шучӗ ҫӗре ҫитет, анчах сад пахчи пилӗк ҫеҫ. Ҫуркунне, йывӑҫсем чечеке ларнӑ вӑхӑтра, ҫав тӑрӑхсем шур юр ҫунӑн курӑнасҫӗ. Симӗҫӗ ҫитӗнсен ҫӗрлесенче кукар алӑллӑ ҫамраҫсем пан улми силлесе тухни час-часах пулать.

Ҫу вӗҫленсе килет. Яла пиҫсе ҫитнӗ пан улми шӑрши сарӑлать. Урамри ачасем ҫине тӑрса манран груша ҫитерме ыйтасҫӗ. Йывӑҫӗ сулӑлӗ, тураттисем сарлака. Ун ҫине хӑпарма хӑратӑп. Пусма йӑтса килме вӑй ҫитмест. Йӗтӗрген вӑрӑмрах патак тупрам та сулӑлеле перетӗп. Ӑна пилӗк-ултӑ хут вӑркӑнтарсан вунна яхӑн груша укрӗ. Симӗҫпе пӗрле — ҫамраҫ туратсем.

Ман хӑтланӑва йӗтем ҫинчен кӑнтӑрлахи апата таврӑнакан, тепӗр виҫӗ эрнерен салтака қаякан Абрам пичче курнӑ.

Вӑл карта урлӑ тӗрех пахчана сикрӗ, мана хӑлхаран ярса илчӗ те ятлама тытӑнчӗ:

— Йывăса мѣншѣн туяпа перетѣн?! Куратан-и мѣн чухлѣ ѡамрăк турат хуѡнă эсѣ! Вѣсем ѡинче тепѣр сул груша ѡитѣнетчѣ вѣт. Агте ѡапла калатчѣ: «ѡын тунине тиркиччен хăвăн туса пăхмалла, ѡын лартнине касиччен хăвăн лартса тумалла». ѡак сăмахсене нихăѡан та ан ман, — тесе мана хăлхаран ярса тытрѣ.

— Урăх ун пек тумăп, пичче, — терѣм куѡуль юхтарса.

— Сăмах патан, тытма пѣл, ѡна ѡилпе ан вѣѡтер, — терѣ те пичче мана алăран ѡавăтрѣ. Килелле угрăмър.

Больше так не буду

У нас в саду двенадцать яблонь. Знаю, что растут анис, два вида китайки, остальные сорта не знаю. Есть и груша. Дом, хозяйственные постройки, сад родители купили у Прокопиевского Осипа. Он с семьёй уехал в Сибирь — на новые земли.

Яблони довольно старые: одна выше другой, плоды разные на вкус. Стволы чуть ли не с ведро толщиной будут. У трёхствольной, разветвлённой в разные стороны яблони, диаметр комеля — в ручную мельницу. Яблоки у неё сладкие, медовые, в рот сами просятся. Яблони плодоносят по очереди — через год, потому урожай есть всегда. А на зимнее хранение плоды кладём в специально сложенный из белого известняка погреб.

Деревня у нас не такая уж маленькая, число дворов приближается к ста, но вот сады только у пятерых. Весной, когда яблони в цвету, сады эти будто занесены снегом. Когда яблоки поспевают, часты случаи, что не чистые на руку ребята по ночам по садам шастают.

Лето на исходе. Воздух наполнен ароматом спелых яблок. Играем на улице. Друзья настаивают, чтобы я угостил их грушами. Дерево само высокое, ветви широко раскиданные. Залазить на него боюсь, а лестницу приставить — силёнок не хватает. Нашёл палку чуть длиннее веретена и давай ею кидаться. Бросил раз в шесть, сбил груш с десятков. Вместе с плодами падают и молодые ветки.

Мои успехи, оказывается, заметил брат Абрам, который возвращался с тока на обед. Ему через три недели идти в армию.

Как перепрыгнет через забор, как схватит меня за уши:

— Зачем палкой кидаешься? Смотри, сколько побегов и веток сбил! В следующем году там груши бы созрели. Ведь, бывало, отец говорил: «Прежде чем ломать-калечить дерево, надо самому его посадить и вырастить. Запомни эти слова на всю жизнь».

— Больше не буду так поступать, брат Абрам, — сказал сквозь слёзы я.

Брат взял меня за руку, и мы пошли домой.

Виҫмесёр туяннӑ кёпе

Хреснатте салтакран тўрех Мускава ёҫлеме юлнӑ. Султалӑк иртсен тин яла килчӑ: шӑп та лӑп Чурачӑк салинчи ярмӑрккӑ пуҫлансан тепёр кун. Ёснӑ те сарӑлнӑ вӑл, чӑн Мускав вырӑсӑ пек тумланнӑ.

Малтанхи кун пулнӑ-ха эпӑ ярмӑрккӑра: карусельпе те ярӑннӑ, морс та ёҫсе савӑннӑ. Ҫӑнӑ йём те туянса пачӑ анне услам ҫу сутнӑ укҫапа. Хреснатте, Лавӑр Кенттийӑ, мана хӑйпе пӑрле тепёр кун ярмӑрккӑна пыма чӑнчӑ. Анне, пахчара халь-халь шӑтса тухакан тырра чӑх-чӑпрен те кайӑк-кӑшӑкрен сыхламалла тесе, кайма чарчӑ. Ӑна итлемерӑм, хреснаттесем патне тухса утрӑм. Вӑсен килӑ патне ҫитсе пынӑ ҫӑрелле ман хыҫҫӑн Юлюкка аппа пынине асӑрхарӑм. «Ырӑ марах», — шутларӑм эпӑ. Ялтан Улӑхалла каякан тӑкӑрлӑка пӑрӑнтӑм та чуптара патӑм. Аппа — ман хыҫҫӑн. Вӑрманкас вӑрманнелле каякан сукмакпа ман ҫӑллӑш ҫитӑннӑ ыраш хушшипе сирпӑнетпӑр. Тытӑннӑ ыраш пучахӑсем питрен ҫатлаттара-ҫатлаттара илесӑҫӑ.

— Ӑста таратӑп-ха капла? — пырса кӑчӑ пуҫа шухӑш. — Кайран пурпӑрех киле таврӑнмалла-ҫке...

Аппана тӑрса кӑтсе илтӑм. Вӑл мана алӑран ҫавӑтрӑ те ялалла уттартӑмӑр.

Киле ҫитрӑмӑр. Анне аппана мана нӑхрепе яма хушрӑ. Нӑхрепӑ пирӑн, пан улми хума шурӑ чул купаласа тунӑскер, ҫӑллӑ мар ар ҫын хулпуссийӑ тарӑнӑш ҫеҫ.

Кӑштахран хреснатте сассине илтрӑм.

— Уҫука пӑрле ярмӑрккӑна кайма чӑннӑчӑ. Калаҫса татӑлнӑ вӑхӑта пымарӑ те: «Мӑн пулнӑ-ши

ку ачана, чирлесе ўкмерё-и», — тесе килсе пәхма шутларам. Хайпе виҫсе кёпе туянса парасшәнччё.

Анне мён каланине пурне те илтеймерём.

— Юрё, — терё хреснатте. — Кёпине хайпе виҫмесёрех туянәп. Эпир унпа иккён ыран Ҷёрпуне ҫитсе килёпёр. Унччен вәл йәнәш тунине әнланё-тёрленё. Ёнер хайпе каласна чухне әна, «улпут чирё» лекмен пек туйәнчё-ҫке-ха. «Килте аслисем мён хушнине йәлтах тәватәп: пахчана кайәк-кёшёк те чәх-чёп тапәнастран сыхлатәп, йәрансене ҫум курәкёсенчен тасататәп, кёту кётсе илетёп, ёне ҫитерме тухатәп», — терё. — Йәнәшасси пулать ёнтё кирек-камән та. Усука нухрепрең кәларма юрать пулё.

...Хреснаттепе анне умёнчен чупнә пек иртрём те турех пахчана ана сыхлама тухрам.

Виҫмесёр туяннә кёпе виҫеллё те чи юратни пулчё.

Рубашка без примерки

Мой крёстный отец после армии сразу остался в Москве работать. А на побывку он приехал спустя год, аккурат на следующий день, как открылась ярмарка в селе Чурачики. Он возмужал, в плечах раздался, одет как заправский москвич.

Был я на ярмарке в первый день: и на карусели покатался, и с удовольствием морс пробовал. Даже штаны мне мама купила с вырученных от продажи сливочного масла денег. Мой крёстный Лавровский Геннадий позвал меня на следующий день с собой на ярмарку. А мама запретила, надо было оберегать от кур и птиц проклюнувшиеся всходы конопли на огороде. Но я её не послушался, потопал к Лавровским. Чутьку не дойдя до них, заметил, как за мной идёт сестра Юлька. «За мной», — подумал я. Повернул в переулок — и бегом в поле. А сестра — за мной. Несёмся по тропинке, ведущей в Вурманкассинский лес, а рожь вымахала с меня ростом. Налитые колосья бьют по лицу.

— А куда я так убегаю? — пришла мысль в голову. — Всё равно же домой возвращаться.

Остановился, дождал сестру. Она взяла меня за руку и повела обратно в деревню.

Пришли домой. Мать велела сестре посадить меня в погребок. Он у нас неглубокий, взрослому по плечо, сложен из известняка для хранения яблок.

Погодя услышал голос крёстного:

— Я Осипку на ярмарку с собой позвал. Он не подошёл к нам к назначенному часу, вот и

забеспокоился — вдруг приболел, мало ли чего. Рубашку хочу Осипке купить, надо бы ему самому примерить.

Что мама ему ответила — не расслышал.

— Ладно, — сказал крёстный, — тогда без примерки куплю. А завтра мы с ним в Цивильск съездим. За день уму-разуму наберётся, вину исправит. Вчера с ним беседовал, не заметил, что он барчуком стал. Говорил, что дома старших во всем слушается, огород стережёт от кур, пропалывает грядки, вечером стадо встречает, затем корову на выпас водит. Всякий ошибается, не пора ли Осипку из погреба выпускать?

...Быстренько прошмыгнул мимо крёстного и матери — и напрямик на огород, присматривать за всходами.

А рубашка и без примерки оказалась мне в самый раз, любил я её носить.

Туман айәпшән — айәплав

Кәр тапхәрән пусламаш уйәхән сурри. Йывәссен сулҗисем — сарә та хәрлө, кәрен. Йәлтәр сутапа сиҗекен хөвөл әшши сисөмлө-ха. Әрша та вылять.

Ялти җынсенчен пурте — җамрәкки те ватти — колхоз өҗөнче. Самайәшө уйра сурхи тырә анисенчи юлашки қаҗаләкне вырать. Нумайәшө — лавҗара та йөтем җинче. Ар җынсем лаша та вәкәр күлнө урапасемпе уйран суратсенчи кәлетсене йөтем сывәхне турттарасҗө. Вун-вун җын лашапа җавәрттарса өҗлекен молотилкәпа авән җапать. Хөрарәмсем умлә-хыҗлә тәрса кәлтесене вөҗе-вөҗөн барабан патне әсатаҗө. Хәшөсем төшөленө тырра көресепе савәраҗө, пысәк алапа алаҗө. Теприсем уләма түрех урана хываҗө, таса тырра кәлете турттарасҗө.

Тәрәшса өҗлекенсен таврашөнге ача-пәча кәшөлтөтөт. Пусламаш классенче вөренекенсем те шул хыҗҗән кунта килнө: уләм купи җинче төркөшөтпөр-йәваланатпәр. Ансәрттран хамран көҗөн Ваниҗа урапа лектөртөм. Вәл мана сурәмран җапрө. Әпө — хирөҗ. Ачашскер витнө йөтеме йәтса антарасла кәшкәрсә ячө. Амәшө е кукамәшө илтөр терө пуль өнтө.

Катиҗ инке, молотилка барабанө умөнге тәраканскер, өҗрен уйрәлаймарө пулмалла. Кукамәшө, Аниҗ кинемей, тырә савәраканскер, көресине аләран ямасәр пирөн патә чупса җитрө.

— Кам күрөнтөрчө Ваниҗа? — өйтәт вәл ачасене көресепе хәмсарса, хулән сассине тата хаярлатса.

Кинемей шуратнә йөтөн пирөнчен җөленө көпөпе, шура вәрәм йөмөн пөҗсине ура хырәмө таран тавәрнә, җарран.

— Кам макартрѣ ма́нука? — татах ыйтаты вата хѣрарам.

Пруте тәр-тәр чѣтрессѣ. Ачасенчен чылайашѣ пурнисемпе ман еннелле тѣллерѣс.

Силѣллѣ кинемей кѣресѣпе мана хамсарчѣ. Эпѣ ыраш капанѣ хыҗнелле вѣстертѣм. Вэл кѣресѣине пѣрахрѣ, чечеклѣ аркаллѣ кѣпине пилѣк сыххи тѣлѣнче сѣулелле туртса кѣскетрѣ те мана хавалама тытанчѣ. Хай, чупнѣ май:

— Тытатап та пусу синче пѣр сѣс пѣрчи хавармастап! — тесе кашкарать.

Висѣ-тавата рет капансем хушшипе унталла та кунталла вирхѣнетпѣр. Анне сакна курчѣ пулсан та пѣр сѣмах та шарламарѣ, хута кѣмерѣ.

— Сакѣ ахальтен мар. Айпа кѣнѣ-тѣк явапне те хай тыттар, — терѣ ѣнтѣ.

Пѣчѣк чѣрем те хѣранипе, те ывѣннипе какартан сиксе тухасла тапаты...

Самай чупнѣ хыҗсан Аниҗ кинемей хавалама чаранчѣ.

— Мана тивмен сѣлен-калта хай сѣлѣпе иртсе кайтар, — теме пѣлмесен ятарласа туман айапшан та явап тытма тивет иккен...

Без вины виноватый

Середина сентября. Листья начали желтеть, краснеть и розоветь. Но тепло сияющего ярким светом солнышка ещё чувствительно, бывает и марево играет.

Деревенские наши все на колхозных работах — и стар, и млад. Кипит людской муравейник. Одни заканчивают жатву яровых, другие — на току, часть — на возах. Мужчины на лошадях и быках подвозят снопы к току, десятки людей заняты у молотилки, которую опять-таки крутит лошадка. Женщины выстроились гуськом и подают снопы к барабану. Некоторые сначала лопатой, затем на огромном решете просеивают зерно, другие складывают солому в скирды, подвозят зерно в клеть.

Подле старших вовсю копошится деловая детвора. Ученики младших классов, и те, после уроков здесь. Возимся и барахтаемся на соломе. Нечаянно я задел ногой Ваньку, годами который помладше меня. А он взял да ударил меня в спину, я — в ответ. Ванька, избалованный, такой рёв поднял, что крыша тока чуть не обрушилась. Нарочно, конечно, чтоб мать или бабушка услышали.

Его мама, тётя Катя, обслуживающая барабан молотилки, никак не могла отлучиться в сторону. Но баба Аниса, занятая на просеивании зерна, Ванькина бабушка, не выпуская из рук деревянную лопату, примчалась к нам.

— Кто тут Ваньку обижает? — голос у неё и так громкий, а тут она ещё лопатой грозно размахивает. Баба Аниса в белой рубашке из домотканого

льняного холста, подвернула брючины белых штанов по щиколотки, сама босая.

— Почему мой внук плачет? Кто его обидел?

Детишки перепугались до смерти, многие стали показывать пальцем на меня.

Разгневанная старушка двинула лопатой в мою сторону, но не попала. Я помчался за стог соломы. Баба Аниса бросила лопату, подтянула повыше поясом вышитую рубаху и погналась за мной. Бежит и кричит:

— Поймаю — на голове ни одного волоска не оставлю!

Так и лавируем между стогами, поставленными в три-четыре ряда. Моя мама, хотя всё видела, вмешиваться не стала — промолчала. Решила, наверное, неспроста. Если уж провинился, так пусть и ответит.

А я убегаю от бабы Анисы. Маленькое сердечко, то ли с перепугу, то ли от усталости, вот-вот готово выскочить из груди. Довольно гналась за мной баба Аниса, затем отстала.

Предупреждали в старину: змея тебя не тронула, так пускай и ползёт своей дорогой.

Ырă туни ырапа тавранать

Çав кун Мăн сĕрем сине выльăхсем пăхма тухнă ачасем вăрçалла вылятпăр. Акă хĕрлисем, «нимĕçсене» хăваласа, Шăмашар хĕрне ситсе пыратпăр. Тăшманран тарса пĕрисем сырма хĕррипе тăвалла чупрĕç, теприсем — парăнчĕç. Лявук, тыткăна лекес мар тесе, сурхи сивĕ шывпа тулса сырантан тухса чылай сарăлнă, сул çинчи чăрмавсемпе «кĕрешсе» кăпăкланакан Шăмашара сикрĕ. Эпир пĕр султа пулсан та, вăл манран, пĕр-ик сул кĕçĕн пек, пĕчĕкрех. Шарлак шыв ăна ўкерчĕ те хай юхамĕпе аялалла сĕтĕрет.

— Лявук, пусна сўлерех тытма тăрăш, савара шыв ан кĕтĕр, ытларах аллусемпе ёçле! — тесе кашкăратăп. — Халех-халех!

Урари калушсене хывса шыв юхамĕ май анаталла ултă-сичĕ метр чупрам та шыв ку енчи сыраналла пăранса юхнă ырапта шыва кĕрсе кайрам. Шыв мана та пилĕкрен чылай сўллĕрех. Вăл мана та ураран ўкересшăн тата хăвартарх юхнăн туйăнать. Акă Левук ман тĕле ситрĕ. ăна кĕперен тытса чартăм та сыраналла сĕтĕретĕп. Çав вăхăтра ачасем, каман мĕнле кантра та пиçиххи пур, сыпма ёлкĕрнĕ. Пĕр вĕçне пире персе пачĕç, анчах тытса ёлкĕреймерĕм. Вăрам кантра шыв юххи тăрăх сĕлен евĕр тасăлса ыттрĕ. Унсăрăнах сырана ситрĕмĕр. Лявука ачасем аллинчен тытса туртса илчĕç. Эпĕ те шыв тытканĕнчен хăтăлса сырана тухрам. Анчах — нускисемсĕр. Хăш ырапта хывăнса юшкăна путса юлнă-ши ёнтĕ вĕсем?

Кунĕ хĕвеллĕ те ăшă пулсан та кĕпе-йĕм типсе ситеймерĕ. Киле нўрĕ си-пуспа, сара калушпа

таврӑнтӑм пулсан та кӑмӑлӑм сӗкленӗллӗ. Ара, Лявука инкек курма памарӑм вӗт! Ахальтен мар ачасем те аслисем: «Маттур эсӗ, Усук, маттур», — терӗс.

Анне мана курсан, хӑраса-хыпӑнса ўкрӗ. Мӗн пулса иртнине каласа парсан, лӑпланчӗ.

— Вӑйӑран вӑкӑр тухать теҫсӗ ҫав, — терӗ анне. — Ҫавах та эсӗ, Лявука пулӑшса, ыра ӗҫ тунӑ. Ыра туни ырапа таврӑнать. Нускине ӑна ҫыхӑпӑр, темех мар. Анчах ҫавӑн пек самантсенче хӑвӑн пирки те шутлама ан ман. Унсӑрӑн пурнӑҫра «Чавса ҫывӑх та ҫыртма ҫук», — тенӗлле пулса тухма пултарать.

Добро добром вернётся

В тот день мы, выгнавшие коров, тёлочек и овец на Большой луг, играем в войну. Мы, «красные», гоним «немцев» на запад — уже приближаемся к речке Шумашары. «Противник» разбит: одни отступили вдоль речки дальше, другие сдались в плен. Образцовый «солдат» Лёвка, чтобы позорно не попасть в плен, прыгнул в речку, разлившуюся весенним паводком и вспененную водоворотами. Мы с ним одноклассники, но он ниже, смотрится младше меня на пару лет. Бурная вода сбивает его с ног и медленно поволокла по течению.

— Лёвка, старайся голову выше держать, иначе захлебнёшься. И руками работай, руками! — кричу я ему.

Снял калоши и побежал вслед за Лёвкой. Нашёл удобное место, где река поворачивает в мою сторону, зашёл в воду. Глубина порядочная, выше пояса. Так и кажется — течение усилилось, река норовит и меня сбить с ног. Лёвка выровнился со мной. Схватил его за рубаху и тяну к берегу. Тем временем ребята успели связать из поясков верёвку. Бросили один конец нам, но мы не смогли ухватиться за него. Верёвка бесполезно вытянулась змеёй по течению. Без неё мы с Лёвкой смогли подобраться к берегу. Ребята вытащили Лёвку за руку, я выбрался сам. Но — без носков. Ил глубокий, и не заметил, как они снялись с ног, да и не до носков было.

День был тёплым и солнечным, но одежда на мне не высохла. Домой вернулся во всём влажном, в калошах на босу ногу, но в бодром духе. Ещё бы, спас Лёвку от беды! «Осипка, ты молодец.

Молодец!» — заслуженно был удостоен похвал и от ребят, и от старших.

Увидела меня мама — так перепугалась, заволновалась. Когда рассказал ей о случившемся — успокоилась.

— Недаром говорят, от забавы до беды один шаг, — сказала мне мама. — Но ты спас Лёвку, совершил благородный поступок. Добро — оно обернётся добром же. А носочки тебе новые свяжем, ничего. Но не забывай в таких случаях и о себе, об осторожности. Рисковать тоже надо уметь. Иначе выйдет так, что локти будешь кусать — да уж поздно.

Күрентертән — каңару ыйт

Икё эрне ытла сивё сёре тимёр пек шантса лартрё. Пёвесем, пёчөк юхан шывсем пәрпа витёнчөс. Ачасем те коньки сырчөс. Янкәр кавак тупери уйах сугинче ярнассё те ярнассё вёсем пәр синче...

Хёл мучи хай ытларах «тәрәшнине» сисрө пулмалла. Вәл кёр калчисене тәрүк сивё тивесрен шура «көрөкпе» витме шугларё: эрне ытла пёлётрен «семсе мамык» тәкрё. Тавраләх, ачасене сөнө саванәс күрекен сырма-тавайки шура юрпа витёнчө. Пёвери пәр та юр айне пулчө. Ачасем йёлтөр сине тәчөс.

Йёлтөр суккисем йёлме касма вәрмана васкарөс. Йёлме тупаймасан сәмрәк йәмра вулли те юрать. Паллах йывәс вуллин диаметрө пёчөк сүна тупанёнчен ансәр пулмалла мар. Чөрө йывәса сурмалла суратән, чуртласа-касса сүхететён, якататән, кантри валли пёчөк йайпа сарлака мар урхаләх кәмелөх шәтәк шәтаратән...

Пёр-ик кун ырттарса кәшт типётнө хысқан йёлтөре пёсерсе авма вәхәт. Әна Сутсинчи фермәра, колхоз сыснисем валли сёр улми пёсөрекен хуранта вөрилөссө, карта хушшине е пёр-пёр ыраңа чиксе авассө, сивёниччен тытассө. Ача тунә йёлтөр хавәрт тўрленет. Саванпа пёр-ик эрнөрен татах авмалла.

Пёчөккисем сүна сөтөрессө. Пирён сунана атте тунә. Тупанне юманран авнә. Шәлөсем те юман. Вёсене хурама тураттине авнә сыхәпа сирөплетнө. Вәл тулли икө миххе те ним мар чәтәтә, хысәлта ача лармаләх ыраң та юлать.

Сүна туртса Арман сүми хөррине тухрәм. Кунта ачасем йышлә пустарәннә. Тяпукән йёлтөр те, сүна та сук.

— Мана пёрле лартса ярӑнтаратӑн-и? — ыйтать вӑл.

— Сунине сырманан туртса хӑпарсан лартатӑп, — тетӗп ӑна.

Хаваспах килӗшрӗ вӑл: «Ӑхӑ-ӑхӑ, юрать», — терӗ сес.

Виҫӗ хут ярӑнса антӑмӑр.

Сырман тепӗр сыранне пысӑк мар сунашка йӑтнӑ Мишак ҫитрӗ. Вӑл хӑйсен пахчи витӗр тӑрӗрен тухнӑ пулмалла. Мишак манран ултӑ сула яхӑн аслӑ.

— Уҫук! — кашкӑраты вӑл, — эпӗ сунашка турӑм. Пӗтӗм пайӗ — хурама. Айта сӗкӗштеретпӗр санӑн ҫунупа.

— Мӗ-ӗн? Сӗкӗшме така мар вӗт вӗсем.

— Эсӗ ху енчи сырантан мана хирӗҫ ярӑнса анатӑн. Эпӗ — ку енчен.

— Ун пек ҫапӑнатпӑр вӗт.

— Эпир мар, сунашкасем ҫапӑнасҫӗ, — тет Мишак мана ӑкӗте кӗртме тӑрӑшса.

Килӑшмех тиврӗ, мӗн тӑвӑн. Асли калать вӗт. Тяпук сунашкана тӗксе янӑран хӑлхара ҫил шӑхӑрттарса анатӑп сырма тӗпнелле. Ҫыхӑннӑ тейӗн, икӗ алапа сунашкаран ҫирӗп тытса пыратӑп. Мишак енчи сыран тата чӑнкӑрах; унӑн сунашки тата хӑвӑртрах вирхӗнет. Акӑ сунашкасем пырса ҫапӑнчӗ. Мишак ҫуни турпас сирпӗннӗн саланчӗ, хӑй малалла ӑпӗнчӗ, ҫамки-питне ман суна пуҫне ҫаптарчӗ. Сӑмсинчен шӑпӑр-р юн юкса анчӗ. Ура ҫине пӗр харӑс тӑтӑмӑр. Мишак, ҫапла пулса тухнипе тарӑхнӗскер, алине чӑмӑртаса ман ума пырса тӑчӗ.

— Вӑл айӑплӑ мар! — кашкӑрчӗ пирӗн патнелле чупса анакан Тяпук. — Эсӗ ху сунашкасене сӗкӗштересшӗн пултӑн!

Мишак пӗр сӑмах шарламасӑр ҫӗмӗрӗлнӗ сунашкин пайӗсене пуҫтарчӗ те ҫаврӑнса утрӗ.

Киле җитсен аннене җырмара мён пулса иртгине каласа патәм.

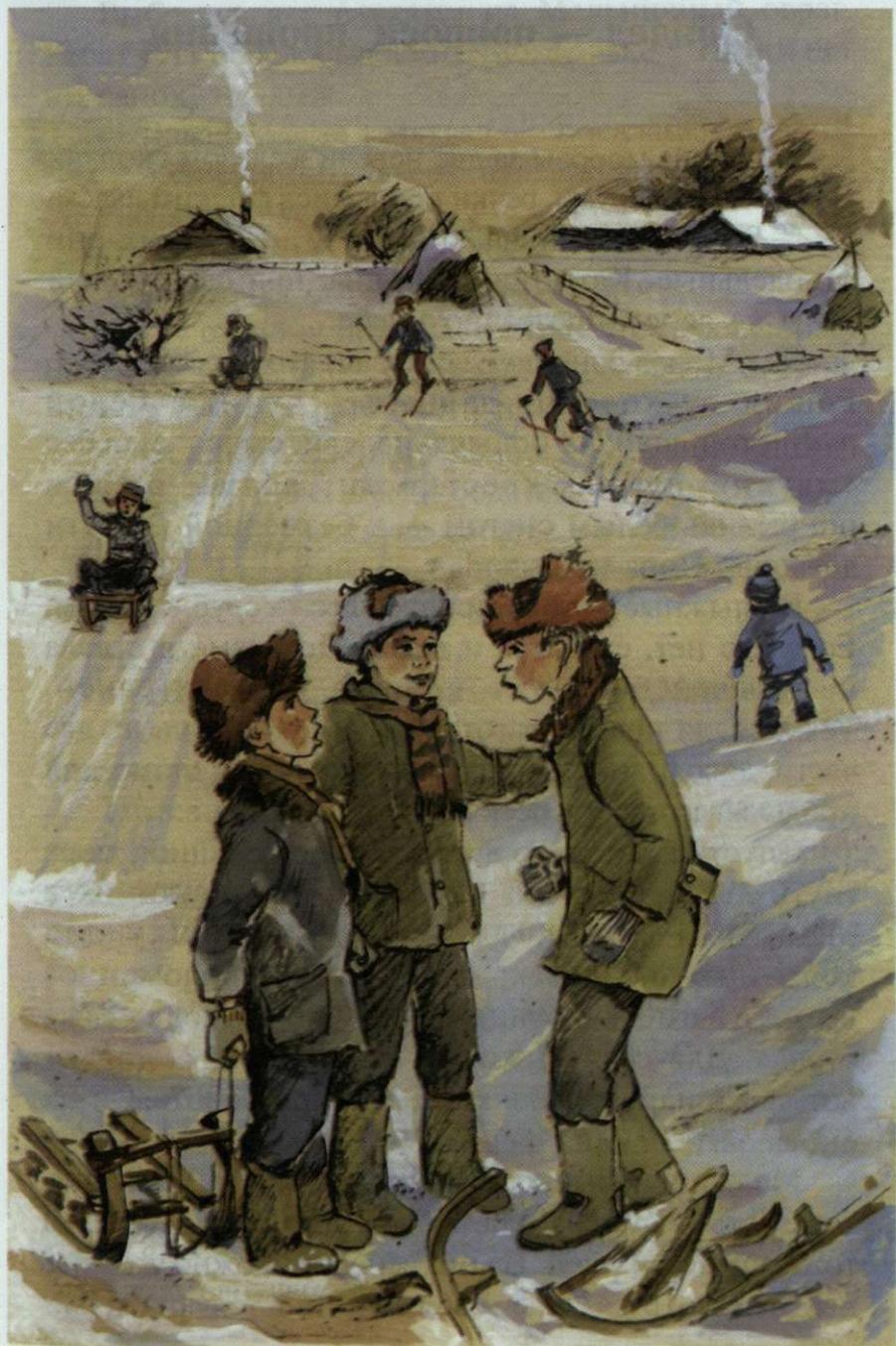
— Аван мар-җке капла, — тет анне. — Мишакән халь тата тепёр җунашка тума тивет-и-ха?

— Вәл хай җунашкасене җапәнтарасшән пулчө...

— Пуҗё пысәк та тәрри шәтәк-им Мишакән? — тет анне. — Эсё айәплә мар, әнланатәп. Анчах санән унран пурё пёр қаҗару ыйтмаллаччө. Қаҗару ыйтни нихәсан та ытлашти мар. Инкек курнин йывәрләхән пёр пайне ху җине илес тенине пёлтерет вәл. Җавә паха.

— Юрать, анне. Эпё Мишакаран қаҗару та ыйтәп, әна җёнө җунашка тума та пуләшәп, — терём хама айәплә туйса.

Обидел — попроси прощения

Крепкие морозы за две недели железом сковали землю. Пруды, речки покрылись гладким льдом. Ребята встали на коньки, у некоторых они самодельные. Катаются допоздна: при свете яркой луны на ясном прозрачном небе.

Дед Мороз явно почувствовал, что перестарался. Решил от холодов защитить озимые белой пушистой шубой: больше недели сыпал с небес «мягкий пух». Окрестности, холмы-овраги покрылись белым снегом — к безмерной радости детворы. Пора на лыжи!

Безлыжные поторопились в лес — срубить ильм. Если его нет, сгодится и ветла. Но диаметр ствола не должен быть уже полозья детских саней. Технология проста: заготовку раскальваешь на две части, доводишь толщину, фугуешь, узкой стамеской проделываешь отверстия для крепления.

Спустя несколько дней, после просушки, пора гнуть лыжи. Обычно идут на ферму, суют их в огромный котёл, где варят картошку для колхозных свинушек, выдерживают положенное время и загибают концы. Для этого подходит даже ограда. Для себя лыжи мы сами готовим, только вот через пару недель концы выпрямляются, и их снова загибаем на ферме.

Малышня обычно возится с санками. У нас они тоже есть — отец сделал. Полозья дубовые, копылья тоже, крепёж из вяза. На них запросто можно уложить два мешка груза, ещё и место останется для тебя.

Выбрался я с санками на Мельничный овраг. Ребят тут собралось достаточно. Только у Тимки нет ни санок, ни лыж.

— Давай вместе кататься, — предлагает он мне.

— Если санки наверх будешь затаскивать, — ставлю я своё условие.

Он с радостью согласился.

Три разочка съехали с ним в овраг.

По ту сторону показался Мишка с небольшими санками — вышел напрямик через свой огород. Мишка старше меня почти на шесть лет.

— Осипка! — кричит он мне. — Я санки сделал! Из вяза, прочные! Давай бодаться санками.

— Чего-о? Санки не бараны, чтобы бодаться.

— Ты съезжай со своей стороны, а я тебе навстречу.

— Так мы столкнёмся.

— Не мы же, а санки, — отвечает Мишка.

Согласился на таран, старший говорит — авторитет.

Тимка подтолкнул мои сани, и я со свистом в ушах помчался вниз. Сижу как привязанный, обеими руками намертво зацепился за санки. А та сторона оврага намного круче: Мишкины санки мчатся ещё быстрее — страшно. Ба-бах! С лёту врезались друг в друга, Мишкины санки вдребезги, а сам он перелетел ко мне и стукнулся головой о мои сани, из носа пошла кровь. Одновременно вскочили на ноги. Мишка, разгневанный случившимся, с кулаками полез на меня.

— Он же не виноват! — кричит Тимка, на всех парах спускающийся к нам. — Ты же сам предложил бодаться санками.

Мишка молча собрал раскиданные остатки санок и убрался восвояси.

Дома не удержался, рассказал о таране матери.

— Нехорошо как-то вышло, — говорит она мне. — Теперь Мишке надо новые санки сделать, так получается?

— Он сам предложил стукнуться...

— Что, у Мишки голова большая да дырявая, что ли? Понимаю, ты не виноват. Но тебе всё равно следовало попросить прощения. Лишний раз извиниться — никогда не помешает. Это означает, что ты часть беды другого готов взвалить на себя. Это главное.

— Хорошо, мама, — ответил ей, почувствовав свою вину не только перед Мишкой, но и перед ней. — Извинюсь перед ним, и санки новые ему помогу сделать.

Пула шурпи

Пысак семьери ачасенчен (тăххăрăн суралнă) чи асли Литуҫ аппа. Вăхăтне пула шулта сахал вĕреннĕ пулсан та вăл пурнăç тутти-масине лайăх туйса-ăнланса ўснĕ: нумай курнă, тем те пĕлет. Вун улттă тултаричченех Атăл леш енче торф кăларнă. Тăван сĕршывăн аслă вăрҫи «хушнипе» Елчĕк те Тăвай тăрăхĕнче окоп, танк та ытти техника иртмелле мар канав чавнă, Йĕпреç таврашĕнче вăрман каснă. Сĕршыв чĕннипе Анат Тагил хулинчи хими комбинатне кайнă, виçĕ сула яхăн ёсленĕ. Унтан — Шупашкарти пир-авăр комбинатне сĕкленĕ сулсем...

Анат Тагилтан курма килнĕ чухне аппа ман валли парне — хĕрлĕ сипрен сыхнă йĕм илсе килчĕ. Калăм кунĕнче сав йĕме тăхăнса урама тухрăм: епле мухтанман! Ун пекки манăн сес-вĕт, урăх никаман та сук. Кирек мĕнле пулама та ёс-пуса хайле ăнланакан, ыттисен пултарулахне те ситменлĕхне хайле хаклакан Вовуҫ ман сума «хĕрлĕ йĕм» ят сypăстарса та хучĕ.

Анне, хай ёсе кайнă чухне, аппапа иксĕмĕре теркăпа хырнă сĕр улмипе урпа сăнахĕ хутăштарса пашалу-сăкăр пĕсĕрме хушрĕ. (Вăл хайне евĕр сёмсе те туглă). Манăн сĕр улми хырса памалла.

Ёсе пуçансан кăштахранах Тулюҫ чупса ситрĕ.

— Хĕрлĕ йĕм! Пёвере пуласем вылясĕсĕ, шыв сийĕн йĕтрелле сикесĕсĕ, — тет вăл. — Айта пула тытма катяпăр.

Сĕр улми хырасси маншăн чĕр тамăк: часах алла амантатăп. Сăк ёсрен пăрăнма сăлтав тупăннишĕн саванса тўрех килĕшрĕм:

— Юрать, — терём. — Пурт мацчинчен атма антаратпәр та каятпәр.

— Каймастан! татәклән каларё аппа. — Анне мён хушса хаварчө-ха? Илтрён вёт. Ёсрен килекенсем валли апат хатёрлемелле пирён. Савна аңланатән-и? Сёр улми хырса паратән та хать тәнче хёррине кай.

Кутәнлашма тытәнтам:

— Висём кун сёр улми хырнә чухне алла ыраттарни те иртсе кайман. Сук, хырмастәп!

— Ах, апла хәтланатән-и эс, — терё те аппа сылтәм питрен сатлаттарса сурё. — Кирлө пулсан татах лекет!

Пит сәмарти кавар пёсертнён вёриленсе кайрө.

— Терка илсе сёр улми хырма тытәнтам. Тулюс, мана пуләшса, сёсёпе сёр улми кусёсене каларма пусларё.

— Капла кәмәллә. Ситес сул Тулюс валли те хёрлө йём илсе килетөп. Йёкёрешсем пек сурёр, — терё аппа пире хавхалантарса.

Хушнә ёсе хаварт вёслерёмөр те атма йәтса пёве хёррине васкарәмәр. Ваттисем калашле алла-аллән ёс үсөнет сав.

...Кәнтарлахи апатра пулә шурпи те сыпрәмәр.

Ушица

В нашей большой семье из детей старшая — сестра Лида (мать родила девятерых). Времена стояли непростые, поэтому в школе недолго проучилась, но жизнью она учёная: чего только не повидала, чего только не знает. Шестнадцати ей ещё не было, как она трудилась за Волгой на торфоразработках. По «приказу» Великой Отечественной войны была мобилизована на создание укрепрайона в яльчикско-янтиковской зоне, рыла противотанковые рвы, траншеи. В окрестностях Ибресь валила лес. По призыву Родины отправилась в Нижний Тагил — на химический комбинат. Проработала там три года, затем — в Чебоксары, на строительство хлопчатобумажного комбината.

Приехала Лида как-то в отпуск, она тогда ещё в Нижнем Тагиле работала. Привезла мне подарок — штаны из красного трикотажа. Надел их на пасху — как не покрасоваться в них на улице?! Единственные на всю деревню, ни у кого больше таких нет. Конечно, Вовчик, который всякие дела, события, недостатки и достижения других понимает только по-своему, немедля окрестил меня «красноштанником».

Перед уходом на работу мама велела нам с сестрой приготовить картофельно-ячменные лепёшки — у них особый вкус. Мне досталось тереть на тёрке картошку. Приступил к делу, а Толян тут как тут.

— Красноштанник! На пруду рыба бесится! Прямо из воды выпрыгивает! — возбужденно говорит он мне. — Пошли быстрее на рыбалку.

Тереть на тёрке картошку для меня адский труд, в момент кожу сдерёшь. Я с радостью согласился на предложение Толяна, есть повод оставить работу.

— Пошли! Возьмём намётку с чердака и пойдём.

— Никуда не пойдёшь, — категорически запретила сестра. — Что мама велела тебе? Слышал? Нам надо обед приготовить. Понимаешь? Вот натри картошку, тогда хоть на край света иди.

Я заупрямился:

— Позавчера тёркой руку ранил, до сих пор не зажило. Не буду, рана болит!

— Значит, так?! — вспылила сестра. И как дала пощёчину. — Если надо — добавлю ещё!

Правая щека у меня огнём горит.

Взял тёрку и принялся за работу. Толян тоже стал помогать мне, выковыривает кончиком ножа глазки у картошки.

— Отлично — приятно видеть. В следующем году и Толяну красные штаны привезу, будете ходить как двойняшки, — похвалила и взбодрила нас сестра.

Скоро с Толяном справились с работой и поспешили с намёткой на пруд. Как говорится, вместе и дело спорится.

...На обед у нас была ещё и ушица.

Суләм чѣлхи вѣрѣм

Хѣвел Йѣлѣм урамѣнчи йѣмрасем хыѣне пытанчѣ. Чѣхсем кашта ѣине ларчѣѣ. Атте кунтѣака кантѣр вѣрри тултарчѣ те пахчана акма тухрѣ.

Тепѣр кун анне мана ирех вѣратрѣ: «Тѣр, кантѣр ани сыхламалла», — терѣ.

Кѣтѣ хѣваласан аслисем ѣсе пуѣстарѣнчѣѣ. Ѣав вѣхѣтра Тулюѣ хѣй тунѣ карапа йѣтса пирѣн пата ѣитрѣ.

— Юлташупа иксѣр кантѣр акнѣ вырѣна ѣерѣисемпе чѣхсенчен лайѣх сыхлѣр, — терѣ анне. — Чакаксемпе чанасем, кураксем те анма пултараѣѣѣ.

Хуранти сивѣнме ѣлкѣреймен ѣѣр улмине уйранпа ѣирѣмѣр те пахчана тухрѣмѣр. Ана ѣинче пѣр кѣтѣ ѣерѣи! Чѣхсем те чакаланаѣѣѣ. Чанасемпе кураксем те вѣѣсе килнѣ.

— Тѣлѣнмелле, — тетѣп. — Атте кантѣр акнине курманѣске-ха вѣсем. Ѡѣтан пѣлесѣѣ кунта ѣимелли пуррине?

Кайѣксен куѣѣсем ѣивѣч, — тет Тулюѣ. — Ѣѣр ѣинчине вѣѣнѣ чухне те кураѣѣѣ.

Ана тавра чупатпѣр. Ѡпѣ «вѣрѣсене» шурѣ татѣк сыхнѣ вѣрѣм патакпа хѣвалатѣп. Юлташ вѣсене тѣпра муклашкипе перет.

Чѣнмен хѣнасем вѣѣсе саланчѣѣ, чѣхсем урамалла тухса тарчѣѣ.

Ѣерѣисем вара вѣѣсе килсех тѣраѣѣѣ: ѣунаттисене пѣвѣ ѣумне пуѣстараѣѣѣ те чул пек аялалла ѣкеѣѣѣ. Вѣхѣт самай иртрѣ. Хѣвел ѣшшине ѣѣр ѣине хѣрхенми сапать. Темисѣ чѣх вите маччинче кѣтиклесе илчѣ.

— Ѣѣмарта турѣѣ, айта пѣѣсерсе ѣиетпѣр. — тет Тулюѣ.

— Пѣррте кѣрсенех кайѣксем анана тапѣнаѣѣѣ, — тетѣп.

— Ѡпир пѣррте кѣмѣпѣр, вите хыѣѣнче пѣѣсерѣпѣр, — сѣнѣ парать юлташ.

Ёне вити сүмне хыт-хура, турат-шанкә пустарса купаларәмәр. Унта виҗә сәмарта хутәмәр.

Килте шәрпәк тупайманран Тулюс хәйсем патәнчен илсе килчә. Кәвайт чөртсе ятәмәр. Типә әпәр-тапәр краҗсын сапнә пек сунать. Сулам чөлхи витене кәс-вәс ярса илет.

Пирән хәтланәва күршәри Хветусси аппа курнә. Вәл тулли витре йәтса чупса пычә те шывне кәвайт сине сапрә, пире, витрине тыттарса, пөверен шыв әсса килме хушрә. Хәй кәвайта таптама тытәнчә.

Эпир сүмри пөвене пилләк хутларәмәр. Юлашкинчен Хветусси аппа таптанә ыраңа тәпрапа хупларә, сиелтен тепәр витре шыв тәкрә, нимән те шарламасәр килнелле утрә.

Атте кантәрлахи апата килтисенчен маларах ситрә. Вәл апат әшәтма кил картинче чулран купаланә вучахра хуран айә чөтрә. Пирәнтен кантәр анине мәнле хуралланине ыйтрә. «Вәл кәвайт пирки пәлмест», — савәнәҗлә шухәш сиҗрә пуҗра.

Эпир юлташпа пахчана тухрәмәр.

Кәштахран атте пире чәнсе илчә. Вучахра сунакан вутән суламә хуран айккинелле тәсәлать. Атте вут пуленки илчә те ун сине тытрә. Вәл сийәнчех кәварланма тытәнчә.

— Куратәр-и? Сулам чөлхи вәрәм та сав тери хөрүллә. Вәл хәйән сулә синче мән пуррине йәлт кәл тәвать. Вун тәватә сул каялла сирән пек сәмарта пәсерекенсене пула Йәләм урамәнчи сынсем сурт-йәрсәр тәрса юлчәс. Силә те вәйләччә сав кун. Тем пек тәрәшсан та сулам чөлхине алхасма чараймарәмәр. Эпир те, — сәмахне тәсрә атте — Хветусси апу сийәнчех асәрхаман пулсан, килсәр те хуралтәсемсәр юлаттәмәр. Шәрпәк та вут-кәварпа асәрхануллә пулмалла. «Пәр шәрпәк пин шәрпәк тәшне тәма пултарать», — тесе ахальтен каламан ваттисем.

У пламени язык длинный

Солнце спряталось за вётрами. Куры уселись на насест. Отец насыпал в лукошко конопляного семени и пошёл в огород сеять.

Мама разбудила меня рано утром:

— Будешь огород караулить, как бы птицы не озорничали на участке.

Взрослые засобирались на работу, а ко мне ни свет ни заря примчался друг Толян. Он смастерил кораблик, и ему не терпелось им похвастаться.

Мать, уходя, ещё раз наказала строго:

— Смотрите за посевами как следует, не то воробьи да куры всё склюют. Могут сороки, галки, грачи прилететь...

Мы с другом перекусили ещё не остывшей картошкой с пахтой и вышли в огород. Там уже вовсю хозяйничала целая туча воробьёв. Куры тоже направились туда. Галки и грачи слетались всё ближе к нашему огороду.

— Интересно, откуда они узнали? Ведь они не видели, как отец сеял коноплю, — удивился я.

— У них глаза очень зоркие, — с видом бывалого знатока сказал Толян. — Они всё видят, что лежит на земле.

Мы принялись за дело. Я разгонял «воришек» палкой с белой тряпкой на конце. Толян пулял в них комьями земли.

Незванные гости вскоре улетели, куры тоже несолоно хлебавши ушли на улицу.

Но нахальные воробьишки тут же вернулись обратно. Прижмут крылышки плотно к телу — и

камнем падают вниз, клюют семя. Так они изводили нас довольно долго. А тут ещё солнце стало припекать, да и проголодались мы уже.

На сеновале раскудахтались куры.

— Яйца снесли. Давай сварим по одному и съедим, — предложил Толян.

— Давай. Но как только мы зайдём в дом, птицы накинутся на коноплю, — заколебался я.

— А мы не станем заходить в избу, вон за сараем разведём костёр и на нём сварим, — нашёл выход Толян.

Сказано — сделано. Собрали щепки, хворост в кучу, вниз положили три яйца. Толян сбегал за спичками, и мы разожгли костёр. Сухие щепки вспыхнули так, будто их облили керосином. Того гляди пламя достанет до крыши сарая.

Нашу самодеятельность увидела соседка, тётушка Хведусь. Она, прибежав к нам с ведром воды, вылила её на костёр, а потом вручила нам ведра и скомандовала:

— А ну бегом на пруд за водой! — Сама же принялась затапывать костёр.

Пять рейсов сделали мы на пруд, устали. Под конец тётушка Хведусь присыпала костёр землёй и молча удалилась, погрозив нам пальцем.

Отец пришёл на обед раньше обычного и принялся разогревать обед в котелке, что был подвешен во дворе над двумя кирпичами. Спросил, как мы справляемся с воробьями. «Он не знает про костёр», — радостно подумал я. И мы с Толяном снова побежали в огород.

Но через минуту-другую отец позвал нас к себе.

— Видите, какое сильное пламя, — сказал он, подкидывая под котёл сухое полено. — Огонь он

ненасытен, всё подчистую сжигает на своём пути... Четырнадцать лет назад такие же, как вы, легкомысленные мальчишки надумали испечь яйца на костре. А тогда стояла жара, ветер сильный, ну и сгорела в считанные минуты целая улица. — Отец замолчал и выразительно посмотрел на нас.

— Ты видел, какой у пламени язык длинный? Он на своём пути всё уничтожает. Если бы Хведусь не подспела вовремя — от нашего дома тоже ничего бы не осталось. «Одна спичка может стоять тысячу спичек, — так в народе говорят. — Запомните это», — сказал отец.

Кино хакё

Ялта уксах е алли чӑлах ар сынсем килёренпех тейён. Куҫё курманни е алли ҫукки те пур. Хӑшӗ-пӗри ҫавӑнпа колхоз ёҫне те хутшӑнаймасть. Ҫапла килсе тухнӑшӑн аслисем нимӗҫ фашисчӗсене айӑпласҫӗ-ылханаҫҫӗ. Вӑрҫӑпа юхӑннӑ ҫӗршыва та хуҫалӑха ура ҫине тӑратмалла, хулара пурӑнакансене апат-ҫимӗҫпе тивӗҫтермелле. Патшалӑх хунӑ налука ял ҫыннисенчен укҫапа, какайпа, ҫупа та ҫамартапа илещӗ. Ёне тытакансем валли те уйран ҫеҫ юлать.

Килте вунна яхӑн чӑх. Ҫӑмартине вара, тӗрлӗ тӗспе сӑрланӑскере, мӑнкунра ҫеҫ ҫиетпӗр. Тӑпӑрч пекех ӑна та сутма пуҫтарать анне: налук тӗлеме укҫа тумалла-ҫке-ха. Ӑна вӑхӑтра тӗлесе татмасан...

Пурнӑҫ, ҫамӑл мар пулсан та, майёпе йӗркеленсе пырать. Яла кино кӑтартма килме тытӑнчӗҫ. Ачасене сеанса пилӗк пуспа кӗртеҫҫӗ, е — пӗр ҫамартапа. Кино курма кайма ирӗксӗрех чӑх йӑвинчи маяна илме тивет. Йӑвара мая ҫуккипе чӑхсем унтан сивӗнеҫҫӗ, ҫамартине урӑх вырӑна тума тытӑнаҫҫӗ.

— Йӑвари маяна курак е кушак йӑтса кайманши, — тесен анне ҫакна ёненнӗ пек те пулать. Анчах...

Чи хаклӑ киносем — темиҫе сериллӗ «Тарзан» тата «Бродяга». Вӗсене курма пӗчӗккисене кӗртесшӗн мар: тӗлеймесрен хӑраҫҫӗ. Чӑлан алакне питӗрмен чухне лартан вунӑ ҫамарта илтӗм те сарайне, хам ҫеҫ пӗлекен вырӑна, хутӑм.

Тепӗр кунне ирхине анне ҫур тырри вырма кайма хатӗрленнӗ. Вӑл мана вӑратрӗ те кил хушшине тасатма, пӗверен (манӑн хамӑн Виттеҫ пичче туса панӑ пӗчӗк витресем пур) шыв йӑтса лахханпа

каткана тултарма, симёсле сѣме лартнӑ сухана шӑварма хушрӑ. Чӑхсене пахчана кӑлармалла маррине, малтанхи кун сѣмласа пӑтермен йӑрансене вӑслемеллине аса илтерчӑ.

— Вӑрӑ аллине хурса хӑвармасть пулсан та ларти сӑмартасене кам йӑкӑртнине чухлатӑп, — терӑ анне мана пӑррехинче. — Татах сӑмарта вӑрласа кинона каятӑн пулсан, сана апат сӑтерме пӑрахма тивет. Савна пӑлсе тӑр.

Сакӑн пек лару-тӑру хысӑн кинона кайма мана Канашра ёслекен Левуш пичче укса пама тытӑнчӑ. Вӑл та, Виттеҫ пичче пек, салтак ячӑ тухиччен пӑравус сӑнче ёслерӑ, унтан таврӑнсан та сав техникапа х тӑрӑшрӑ, тепловозпа та сӑрӑрӑ.

Сколько стоит кино?

Кончилась война. Деревня мало-помалу стала оживать. Правда, было много раненых, покалеченных, без руки или без ноги... И все за это проклинали Гитлера, ругали фашистов. В то же время старались как можно скорее наладить нормальную жизнь.

Не смотря на трудности, жизнь постепенно налаживалась. Вот и в деревнях тоже стали показывать кинофильмы.

Цена билета на сеанс для взрослых — 20 копеек, а для детей — 5. Но где их взять, если в доме нет ни копейки. Правда, детей пускают в кино, если сдашь одно куриное яйцо. Но и они все до единого уходят на оплату налога.

Мы едим яйца только раз в году — на пасху. В остальные дни мать собирает их прямо из гнезда и уносит в ларь, запирает под замок. Я пробовал утаскивать «подклад» — яйцо, которое постоянно лежит в гнезде, чтобы куры знали, где им нестись. Но мать быстро распознала «воришку», хотя я смотрел ей прямо в глаза и врал:

— Наверно, кошка утащила или галка какая...

Вот киномеханик привёз многосерийные фильмы — «Тарзан» и «Бродяга». На них уж нас, малышню, за одно яйцо ни за что не пропустят! И я решился на «преступление». Мать как-то забыла запереть ларь, и я взял оттуда десять яиц, спрятал в сарае...

Прошло несколько дней. И однажды мать, собираясь на работу, будто между прочим сказала:

— Конечно, вор не оставил следов, но я догадываюсь, чьих рук это дело. Я говорю о яйцах, — и выразительно посмотрела на меня. — Что ж, сынок, выбирай: или продолжай бегать в кино на ворованные яйца, или мне придётся перестать тебя кормить. Решай, что слаще — кино или еда...

И я выбрал кино. Только яйца я больше не воровал — меня спас мой старший брат Леонид. Он начал работать вместо брата Вити кочегаром на паровозе — Витю призвали в армию — и стал давать мне деньги на кино. Он понял: без кино я не проживу, уж очень оно интересное...

Вут пек вайли, сил пек усалли сук

Мән сәрем Санькассинчи тәрлө әру ачисен асәнче юлакан ыраң. Вәл — ял сывәхәнчи сурхи те шалкәм сума́р вәхәтәнчи тата тулли пөвесенчи шыва Шәмашара васкатакан сырма тәрәхәнчи түпемлө ыраң. Шәмашар шывне сулла сакәр ял халәхән ыльәхә ёссе киленет. Вәл түлеккән юкса Көсән Савала тухать.

Мән сәрем чылай пысәк лаптәк йышәнать. Сәремлөхән хөвел тухәс енче — Кәвакал күлли. Унта суркунне — сурсәрелле, кәркунне кантәралла вөсәкен кайәк кәвакалөсем канма анассө: пөлөт үкрө тейән сүлтен. Сакәнпа сыхәннә та ёнтө күлө ячө.

Мән сәрем суркунне юртан тасалса кәшт типсенех ял сыннисем унта ыльәхәсене кәларассө. Вөсене пәхакансем — ытларах ачасем. Шкул хыссян ирөке тухнәскерсем кунта тәрлө вайә ыляссө: мечөкле те футболла, лапталла та хәваламалла... Шәрпәк пуррисем лашан е ёнен типнө каяшне пухса кәвайт чөртөссө. Кәвар сине ятарласа чиксе тухнә сөр улмине пөсәрме хурассө. Епле тутлә вәл! Ара, кантәрлахи апат вәхәчө ситнө-ске-ха.

Хамәр урамри пысәкрах ачасем мана кәвар вәрлама хушрөс.

— Алла пөсәртет вәл, — хирөслетөп вөсене.

— Эсө кәвара кәвайт умәнчисем сисиччен көпе арки сине хур та чупса тар, — тет Хвеття.

— Көпи манән висө хут, чән та хырама пөсәртөс сук, — шутларәм хам. — Иккөшө пичче тәхәнса

сўрөнә кивә пир кәпәсем. Сиелти, сәнни, сицаран-
манкун валли сәлесе пани.

Пёр кавайт патәнче хуҗисем лапта пәрахаҗсә.
Сисес сук вәсем мана.

Алла пәсәрте-пәсәрте таватә-пиләк кавар кәпе
арки сине хутам та чуптара патам. Кавар, силпе
вәркәшса, тата хәруленчә, сиелти кәпене ярса илчә.
Суләм «чәлхи» янаха пәсәртет.

Ман пата, эпә хәраса кәшкәрнә сасса илтсе,
хамран кәсәнрех Валемир чупса пычә. Аялти кәпесем
те сунасә әнтә. Аләсем сыхланнәран иксәмәр те кәпе
түмисене вәсәртеместпәр.

Акә хамран сичә-сакәр сул аслә Ухварпа Микус
чупса пычәс те мана аләран-ураран тытса-йәтса
силлесе Кәвакал кўллине чампәлтаттарчәс.

Килте анне мана сурри ытла суннә сиелти кәпепе
кәтсе илчә. Мән пулнине каласа парсан вәл:

— Вут-каварпа алхасма хушман. Ваттисем: «Вут пек
вәйли, сил пек усали сук», — тенә. — Сак чәнләхсене
әнланма әсу-пусу хәсан ситә сан», — терә. — Е патакпа
вәрентмелле-и?

С огнём шутки плохи

Сегодня моя очередь пасти скот. Деревенское пастбище у нас очень привольное: весной здесь раньше всех тает снег, и зелёная трава пробивается густой щёткой уже в апреле. — Потому что рядом протекает добрая речка Шамашар. Её воду пьют коровы, овцы, лошади целых восьми деревень! Шамашар впадает в реку Малый Цивиль.

А ещё у нас есть Утиное озеро. Оно так называется потому, что на него садятся отдохнуть перелётные дикие утки. Весной они летят с юга на север, осенью — с севера на юг. В некоторые годы их так много, что кажется, на озеро упало серое облако...

Телята уже наелись и улеглись — отдыхают. А овцы тянутся на всходы озимых. Глаз да глаз нужен за ними.

Ребята на зелёной травке, как зайчики, бегают-прыгают. Помладше играют в лапту, постарше — в волейбол и футбол.

Старшие нас, мелюзгу, не обижают, но любят подшучивать над нами. Вот и на этот раз придумали фокус, чтобы повеселиться. А я и не догадался, что они меня разыгрывают.

— Узюк, хочешь костёр развести? Только у нас нет спичек. А вон там горит костерок, ты принеси оттуда пару угольков, и мы разведём свой. Картошки испечём...

— Как я их принесу? Больно же рукам, угли жгутся...

— А ты их в подол рубахи положи — и бегом сюда, к нам! — советует умник Хвеття.

И правда: внизу две рубашки у меня толстые, из холста, от старшего брата достались. Сверху

ситцевая, тонкая, но через три уж точно угли не обожгут мой живот...

Я подбежал к костру, обжигая пальцы, набросал в подол пять-шесть угольков и вихрем помчался обратно. Ветер раздувает угольки, и они разгораются ещё сильнее, нещадно жгут живот... И тут я заорал так, что мне навстречу кинулся Валемир, принялся расстёгивать пуговицы рубахи. Но они не поддавались, потому Валемир испугался больше меня — он был ещё моложе, чем я. Тогда на помощь пришли старшие — Ухвар и Мигусь. Они схватили меня за руки, за ноги и, раскачав, кинули в Утиное озеро...

Вечером мама встретила меня с дырявыми рубахами в руках.

Я рассказал ей обо всём без утайки и ждал дальнейшей взбучки. Но мама спокойно сказала:

— Пора бы уже тебе, сынок, знать: с огнём шутки плохи. Да и жить надобно своим умом. Ты ведь не маленький, чтоб поддаваться на чужие шутки.

Паклаттар, ывăлăм, паклаттар...

Аттенене ялта чылайăшĕ Лексей Михалч тесе чĕнет. Йысна е пичче текенсем те нумай.

Вăл ачаллах табак туртнă. Уншăн пăшăрханать:

— Хăвăртрах ситĕннисемпе танлашас тесе пĕчĕклек табак мăкăрлантарса сывлăха хавшатрăм», — тет.

Табак текен курăка хамăр пахчара лартса ўстерет атте. ăна тураса вĕтетмелли хатĕр те пур унăн. Ҫавна та, чĕлĕмне те атте хай тунă. Чĕлĕмĕ мана темшĕн тăрна майĕпе пуçĕ евĕрлĕ туйанать.

Атте патне ял ҫыннисем махорка илме пыраççĕ. Те ахалех парать вăл вĕсене, те — тўлевлĕ. Пĕлместĕп.

Тутлă пулмалла вăл, ҫав табак текенни. Ҫаванпа ситĕннисенчен чылайăшĕ туртать ăна.

Ҫуркунне выльăхсене Мăн ҫерем ҫине илсе тухсан эпир те, ачасем, аслисене кура, туртатпăр. Пирĕн табак — хĕвелпе типнĕ ут е мулкач каяшĕ.

— Сирĕн чăн-чăн табаках пур вĕт, илсе кил, — теме тытăнчĕс ачасем. Уйрăмах — Юруҫпа Ҫеркуш. Итлерĕм вĕсене. Килте аслисем ҫук чухне пўрт маччине хăпартăм. Кунта туранă хыçҫăн тата тунипе типме сарса та ҫакса хунă табак темĕн чухлек. «Туранине пĕр кĕсье илнине пĕлес ҫук атте», — шутларăм хам.

Тепĕр кун хайхи ачасен тем пысăкăш саванăҫ! Кунĕпе табак мăкăрлантараççĕ, тĕтĕмне ҫавартан ункăн-ункăн ҫавăрса кăлараççĕ. Эпĕ те аслăраххисем чĕркесе панă табака хыпкаларăм. Ҫапла икĕ хут табакпа «хăналарăм» ачасене.

— Ан ҫыхланăр ҫав усалпа. Хăнăхсан пăрахма ҫамăл мар. Сывлăхăра ачаллах хавшататăр. Эпир,

вәрҗәра пулнисем, йывәр самантсене каштах та пулин манас тесе хыпнә җав сиенлө курәк чөркемне, — тещә аслисем. — Асу та аннү пөлсен тимөр пәрҗа җинче ташлаттарәҗ.

Виҗҗемеш кунхине выльәхсене кил хушшине кертнө-кертмен мана атте чәнсе илчө те:

— Ывәләм, эсә Мән җерем җинче табак туртатъ тещә. Чәнах-и?

— Җук, — тетәп. — Ут каяшәнчен чөркенине хыпса пәхнәччө.

— Ачисем табакне аҗстан тупаҗҗө?

— Эпә пөрре илсе кайнәччө, — суйма пәхрәм аттене.

— Төрәссине каламалла, ачам, төрәссине. Суйни төрмене илсе җитерет, — терө атте. — Табак туртма хәнәхасшән пулсан чөркесе парам.

Аләра — аттен вәта пүрни пысакәш табак чөркемө.

— Атя, паклаттар, ывәләм, паклаттар, — тет вәл. — Төтәмне йәлт җәт, сая ан яр.

Иккө-виҗҗө вәрәмман өмсе илсен чыхәнтәм та кайрәм. Кәшт уҗәлтәм кәна — атте татах өмме хистет. Итлетәп. Хайхи ман пуҗ сөрөм тивнө чухнехилле тунккеме-җаврәнма тытәнчө. Куҗ умәнче — тем мөлкисем. Атте җаплах өмме хушатъ. Тепөр чөркем те җавәрчө. Әна та чөртсе пачө.

— Вәрәмраххән өм, вәрәмраххән, ар җын пек пул, — тет атте.

Җамкара та тәнлавра «питлөх җапатъ». Җәнө чөркеме иккө-виҗҗө өмсен тәна җухатрәм...

Эпә вәрәннә чухне пүртре төттөмләнсе килет. Ура вөҗәнче, краватъ җинче, анне ларатъ. Атте те пур.

— Тәна кетән-и ачам? — тет анне. Тавах пүлөхҗө. Вөрөтнө сөт өҗстерни те пуләшрө пуль.

— Халь а́нланта́н-и табак мён тути каланине? —
ыйтат атте. — Татах хыпатан-и?

Пуҫа пәркаларам. «Ака мёншён пиччесем табак
туртмаҫсё иккен», — тесе шутларам.

— Табак туртакан турта ҫумне тәраймасть. Унан
сывләхё начар. Ҫавна шута ил, ачам, — терё атте
юлашкинчен. — Йытә та хыпмасть а́на.

Затягивай, сынок, затягивай...

Мой отец выращивал в огороде табак, сушил его, рубил мелко-мелко и скручивал из этой махорки толщиной в палец сигарки. Покупные папиросы и сигареты он не признавал, да и покупать их не на что — нет денег. А приучился он курить с самых малых лет, о чём сейчас горько сожалеет. «Не хотелось от взрослых отставать, — оправдывается он, — вот и смолил что попало»... Сейчас он курит трубку, которую смастерил сам. Мне она кажется похожей на журавлиную голову с вытянутой шеей.

К отцу за махоркой приходили все мужчины нашей деревни. То ли он её продавал им, то ли за так отдавал — не знаю. Но тогда я думал, что табак — это очень вкусная штука, раз его взрослые курят.

Летом, когда мы пасли на Большой поляне скотину, тоже пытались курить. У нас, ребятни, была своя «махорка». Это был всего-навсего высохший на солнце заячий или лошадиный помёт. Мы, конечно, баловались, всерьёз никто не затягивался и не собирался курить, пока двое — Юрка и Сергей — вдруг не заявили:

— Послушай, Узюк, у твоего отца есть же настоящая махорка. Принеси — попробуем...

И я послушал их... Когда дома никого не оказалось, залез на чердак. Ба, чего только тут не было! Горы нарубленного табака — листья отдельно, стебли отдельно. Висели пучки для просушки... Думаю, возьму карман нарубленного, отец и не заметит.

На другой день мы все курили настоящий табак. Вот было радости! Кто-то курил по-настоящему, кто-то выпускал кольца дыма изо рта, а кто-то и глубоко затягивался, отчаянно кашлял и снова курил...

Так я угощал курильщиков целых два дня.

А на третий день меня позвал отец и спросил:

— Сынок, я слышал, ты курить начал. Правда ли это?

— Нет, — сердце моё так и ушло в пятки. — Мы просто баловались, сворачивали сигарки из заячьих какашек и...

— А настоящий табак, выходит, ты не пробовал?

— Один раз взял немного твоего табака, ребят угостить... — пытался я соврать, но отец не стал меня слушать, а предложил:

— На вот тогда, попробуй. — И он вручил мне толстенную сигарку с настоящим табаком. — Кури, сынок, кури... Затягивайся, не дыми попусту.

Я затянулся раз, другой — и закашлялся. А отец твердит:

— Давай-давай, кури на здоровье...

Слушаюсь и продолжаю глотать дым. Голова у меня уже закружилась, перед глазами мелькают мошки... А отец сворачивает новую сигарку, запаливает, подаёт мне и говорит:

— Ты глубже, глубже затягивайся...

Я затянулся ещё два-три раза — и потерял сознание...

Проснулся, когда уже стемнело. Мать сидела на кровати у моих ног. Отец тоже был дома. И он, это чувствовалось по его поведению, был очень встревожен.

— Слава богу, очнулся, — обрадовалась мать. — Наверно, молоко помогло...

— Ну, теперь ты знаешь, какой вкусный табак, да? Может, ещё покуришь? — спрашивает отец.

Я отчаянно замотал головой и подумал: «Вот почему мои старшие братья не курят: их, наверно, отец так же «угостил» как меня...»

А отец продолжал:

— Курильщик, он — слабак, здоровье у него никакое. Так что запомни это, сынок. — И добавил: — И собака его в рот не берёт.

Вайӑран — вӑкӑр

Пуш уйӑхӑ ситрӗ. Сӑллӗ тӑпери савра хӗвел хулӑн юрпа витӗннӗ, хӗл каҫа канӑ сӗр питне кунран кун хытӑрах ӑштатать. Кӑнтӑрла суртсемпе лупасем тӑррисенчен васкаса пат! пат! тумла патлатать, вӑл хӗл каҫа хытӑнӑ юра «пӑраласа» шӑтарать.

Шӑмат кун. Кӑнтӑрла иртсе тӑватӑ-пилӗк сехетсенче Тӑрӗ урама вун-вун ача пустарӑнчӗ. Вӗсен кашнин аллинче хӑйсем ӑсталанӑ винтовка та автомат. Пулемет та пур.

Пысӑк йышӑн выляма икӗ ушкӑна пайланмалла: пӗри — «хӗрлисем», тепри — «нимӗҫсем». Анчах кашниех совет салтакӗ пуласшӑн. Капла вӑрҫӑлла выляма май килмест. Савӑнпа аслӑраххисем сӗннипе ачасен пӗр ушкӑнӗ паян — хӗрлисем, ыран нимӗҫсем пуласси пирки калаҫса татӑлчӗҫ.

Паян эфир хӗрлисем. Командир — сиччӗмӗш класра вӗренекек кӑтра сӑҫлӗ Кирус.

Нимӗҫсем Арман сырмипе анаталла, Мӑн сӗрем патнелле кайрӗҫ. Эфир Сутсири ферма таврашӗнче «сирӗплентӗмӗр».

Апла-капла сӑтсе явнӑ вӑхӑтра «фашистсем» пирӗн сине сисмен сӗртен тапӑнчӗҫ. Вите тӑрринчи сӑнав пунктӗнче ларакан Лаваҫ асӑрхаман та вӗсене. Хӗснӗ сӗмӗн хӗсесӗҫ пире, мурсем. Чылай чакма тиврӗ, арман патне кӑшт сӗҫ ситмерӗмӗр.

Пирӗн командир салтаксен пӗр ушкӑнне сырма тӑрӑхӗнчи пахчасенчи утӑ-улам урисем патне хӑварнӑчӗ. Эфир «урра!» кӑшкӑрса тӑшман сине сулахай флангран тапӑнтӑмӑр. Эпӗ Йӑванккана пусса антартам: юр сӑнче йӑваланатпӑр. Вӑл, кӗрешнӗ

вәхәтра, мана аләран ҫыртасшәнччә. Алла хәвәрт туртса илтәм, алсиш ун ҫаварәнче юлчә. Иксәмәр те хәвәрт ура ҫине сиксе тәтәмәр.

— Алсиша пар! — тетәп.

Йәванкка аһа ҫаплах ҫаварәнче тытса пуҫне пәркалать. Ун ҫине вәрман кушакле сикрәм те алсиша карт! туртса илтәм. ҫаварәнчен юн тапса тухрә. Те — юн курса, те ыратнипе Йәванкка кәшкәрса макәрса ячә.

ҫав вәхәтра хәрлисем нимәҫсене каялла хәваласа кайрәҫ.

Каҫ сәмә ҫапна ҫерелле Йәванккапа амәшә пирән пата пычәҫ. Мариҫ аппа пурте шавласа кәнә-кәмен аллинчи патаккипе мана ҫапасшәнччә. Эпә кәмака хыҫне кәрсе тартәм.

— Мән тунә вара вәл? — ыйтать анне.

— Йәванкка шәлне катна, — тет Мариҫ аппа. —

Шәлә ләканатчә-ха.

— Шәлә пур-и? Күр-ха тытса пәхам, — терә анне.

— Пырне чутах лартман, — тет ҫиләллә хәрарәм. —

Ачи юрать сурса кәларма ёлкәрнә, пуҫтарса чикнә.

— ҫапәсрә-им? — ыйтать анне. — Мән ҫитмерә?

Тух унтан.

— ҫук, ҫапәсман эфир, — терәм эпә кәмака хыҫәнчен тухна май. — Выляна. Вәрҫалла.

Мән пулса иртнине тәпә-йәрәпе каласа патәм.

Анне Йәванккана тухса үкнә шәл вырәнне кәтартма хушрә.

— Шәлән үкме вәхәт ҫитнә пулна. ҫәннине тухма вырән ирәкләтнәшән савәнмалла ҫеҫ, Йәванкка, — терә анне аһа пуҫран ачашласа. — Унсәрән асав шәл шәтма пултарна. Халә ҫәнә, илемлә, ёмәрләх шәл пулать санән. Вәйәран вәкәр ан тухтәр тесен кирек-мәнле чухне те асархануллә пулмалла, — вәҫлерә анне сәмахне.

Играй, да меру знай

Наступил долгожданный март. Солнце день ото дня греет всё сильнее. В обед с крыш уже капает звонкая капель, дырявит застывшие за долгую зиму сугробы.

Как-то в одну из суббот, часов в пять, собрались мы на Прямой улице поиграть в войну. У каждого в руках оружие — самодельные винтовки, автоматы и даже пулемёты. Долго делились на «красных» и «немцев» — никому не хотелось быть немцем. Наконец договорились: сегодня одни красные, завтра — другие.

Нынче выпало быть красными нам. Командиром у нас семиклассник, кудрявый парень Кирусь.

Немцы отправились берегом Мельничного оврага вниз, к Большой поляне. Мы же заняли оборону возле колхозной фермы.

Пока мы прикидывали план наступления, «фашисты» неожиданно напали на нас. Сидевший на наблюдательном пункте, на крыше, Лавась и не заметил их — так ловко они пробрались к нашим рубежам. Пришлось отступить чуть ли не до самой мельницы.

Хорошо ещё, что нашу группу из пяти мальчишек командир заставил на время спрятаться в соломенном стогу. Оттуда мы с криками «ура!» и набросились на немцев. Я сбил с ног Иванкку, и мы принялись отчаянно барахтаться на снегу. Изловчившись, Иванкка вцепился зубами в мою руку — хотел укусить. Но я быстро отдёрнул руку, а моя варежка осталась в зубах врага.

От неожиданности мы оба враз вскочили со снега.

— Отдай варежку! — кричу я.

Иванкка молча крутит по сторонам головой. Тогда я тигром накинулся на него и увидел на его губах кровь. Иванкка то ли от боли, то ли от страха громко заревел.

В это время красные отбили атаку немцев и погнали их назад.

...А вечером к нам заявили Иванкка с матерью.

Прямо с порога тётя Марусь замахнулась на меня палкой. Я мигом шмыгнул за печку и затаился.

— Ты чего, Марусь, эдак злая? — спрашивает мама.

— «Чего-чего...» Твой разбойник Иванкке зуб выбил! Правда, он уже шатался...

— Ну-ка, ну-ка, я взгляну, — мать подошла к Иванкке, заглянула в рот. А рассерженная тётя Марусь продолжала:

— Хорошо, что Иванкка не подавился, выплюнул зуб-то...

— Вы, подрались, что ли? — мать велела выйти мне из-за печки. — Что не поделили?

— Да нет, не дрались мы... В войну играли... — бурчу себе под нос и виновато смотрю на друга.

Когда я рассказал всё, как было, моя мать погладила Иванкку по голове и сказала: — Твоему зубу пора настала выпать. Вот он и уступил место новому. Так что радуйся: теперь у тебя вырастет новый крепкий зуб, а не какой-нибудь кривой уродец. — Посмотрела на меня и добавила: — А из тебя, я думаю, вырастет не плохой зубной врач в будущем. Только драться всё равно не надо, так ведь и до беды недалеко.

Сурәм хыҗне алә ситмесен

Сурла уйәхә. Ләпкә сипле тинәс пек хумханакан пиҗсе ситнә ыраш пусси. Сынсем — вай питти те ватти-вәтти — ыраш ыраҗсә, аллисенчи сурлисем ылыса сәс тәраҗсә.

Тәмәсенчи кәлтесене сәмел тума паләртнә ыраһна йәтса пәтертәм. Хәвел анса ларасси икә йәмра сүлләшәнчен те чакрә. Анне: «Ывәләм, киле қаян пуль. Кәс кәтү кәртет, ыльәхсене пустармалла», — терә. Сәр улми шуратмалли пирки те аса илтерчә.

Тинех сара урасене чәрмелесе үте юнахтаракан хәмәлран хәтәлатәп! Хәвалаканран тарнән ялалла вәстертәм.

Анне хушнә әсе пурнәсларәм. Кәтү те кәчә. Леш урамри Вәрәм Сүппи сурәхәсемпе пәрле чи малтан чупса килекен сурәхсем сук. Ёне урам аләкне, шашулкине мәйракипе сәклесе, хәех усать. Хәвел анса лариччен сурәхсене тупас тесе тухса чупрәм. Вәсем ытти пуҗтах ыльәхсемпе уя тухса кайма та әлкәрнә. Сурәхсене, йышран уйәрса, киле хәваласа килтәм.

...Мән кураәп?! Пүрт ум аләкә усә. Унта — әне. Катқари авәртма сәвәрса тасатнә ыраша суррине яхән синә.

Анне, аппа тата пичче уйран ситрәс. Анне самаях ывәнни сисәнет. Әпә тата хуйхә туса патәм.

— Ай, ачам, мән туса хутән? Хыраәмәнчи ыраш шүнипе әне күпәнсе қайса вилет вәт, — тет анне. — Кириле мучи патне чуп!..

Ар сынсем виҗсән пустарәнчәс. Апла та, капла та сәнү парәсә. Акә пәр шухәш патне ситсе тухрәс:

ёнене краҕсын ёҕтерсе хыра́мне ҕемёҕтермелле. Ҙакна анчах килсе ҕитнё Анруш пичче те ырларё.

— Тәхтәр-ха, тәхтәр, — тесе анне чёрес йәтса тухрё. — Краҕсын ёҕтериччен сётне суса илесчё.

— Сётне сусан сёт тымарёсем пушанса ытларах краҕсынланаҕсё. Ҙиллине тасатма тата йывәрланать, — терё Кириле мучи.

Тәватә ар ҕын, вёсене пичче те пуләшрё, ёнене витепе сарай кётессине хуптёрлесе ҕаварёнчен краҕсын тата темиҕе кёленче шыв ячёҕ.

— Мён курса лараттәмәр, ачам? Ёнесёр выҕса юлаттәмәр вёт. Ҙурәм хыҕне аллу ҕитмест-им? «Патак упана та ташша вёрентет», — тенё пек сана та патакпа әс памалла-им, — тесе анне акаци хуллипе ҕурәм урлә тивретсе илчё.

Аслисем ёнене хәваласа чуптарса ҕүреме хушрёҕ. Мана пуләшма пичче те килёшрё.

— Ан пәшәрхан, шәлләм, эфир ёнене чуптарса ҕүрёпёр те унән хыра́мё часах пушанё. Ёлём кирек хәҕанта «аллуна» ҕурәм хыҕне ҕитерме тәраш.

Когда руки коротки...

Приспел август — пора уборки урожая. Теперь и стар и млад помогают в поле колхозникам. Я тоже рядом с матерью — она жнёт серпом высокую рожь, вяжет в снопы. Я же подтаскиваю их на место, где будут ставить копны.

Солнце уже скатилось ниже ветел, и мать говорит мне: — Ступай, сынок, домой. Скоро стадо пригонят, надо скотину встретить и во двор загнать.

Меня не надо уговаривать. Босиком по стерне я припустил так, что не почувял, как острые стебли царапают ноги.

Когда я добежал до деревни, стадо уже шло по улице. Я успел как раз вовремя. Нашу умницу корову встречать не надо — она сама подцепляет рогами защёлку на калитке и входит во двор. А вот непутёвых овец опять придётся искать: вечно они забредают куда-нибудь, а чаще на колхозные поля. Я нашёл их сегодня быстро и пригнал домой.

И что я вижу: сени распахнуты, и там хозяйничает моя умница корова! Она уже успела съесть половину кадки ржи, что была приготовлена для помола на мельницу. И тут я вспомнил, что не закрыл за собой дверь в сенях.

Не успел я выгнать корову из сеней, как во дворе появились вернувшиеся с поля мать с братом.

— Ай, сынок, что ты наделал! — с ходу запричитала мать. — Объелась ведь корова-то, объелась! Рожь у неё в брюхе разбухнет, она и окочурится... — Мать и без того уставшая, а тут какое горе! — Давай беги к деду Кириле, зови к нам! — приказала она мне.

Пришёл дед Кириле, собрались ещё трое мужиков. Все что-то советуют, спорят друг с другом. Наконец сошлись в одном: надо напоить корову керосином, чтобы вызвать у неё понос.

— Пойдите-ка, пойдите! — остановила их мать. — Дайте хоть молоко выдою до керосина-то!

— Э-э, нет, — возразил опытный дед Кириле. — Пустое вымя керосином быстрее наполнится, потом ещё долго не очистится. Так что не стоит её доить.

Четверо мужчин — им помогал и брат — загнали корову в угол и влили ей в рот бутылку керосина и несколько бутылок воды.

— Теперь её надо гонять, чтоб она двигалась, а не лежала, — скомандовал дед Кириле. — Так её скорее пронесёт.

Мать всучила мне в руки ветку акации и сказала:

— Ты набедокурил — тебе и гонять. Ишь, руки у него за спину не доходят — сенную дверь не закрыл... Чуть было без коровы не остались из-за тебя.

Мне было обидно до слёз — и корову жалко, и себя тоже. Но тут брат подхватил прутик и подбодрил меня:

— Не расстраивайся, братишка! Мы её сейчас прогоним бегом по лугам — она у нас вмиг прокакается! Но наперёд знай: руки и за спиной должны работать...

Хёрлэ йём

Хэлип мучи ялти чи лутра сын. Ун пеккисене «Каска пукан» теҕсё халәхра. Вәл ялан шәши тәслә сәхманпа, савән тәслех сәлөк-калпакпа сүрет. Пилөкөнче — сүспе синсе пушәтран явнә кантра. Пушәчә — усал-тәсел тивесрен тет иккен. Уринче сұлла — шур пир, хәлле хура сурәх сәмәнчен тәртнә тәла, аттерен туяннә сарлака пуслә сәпата. Сасси, ваттине кура мар, уса та янәравлә. Табак туртмасть вәл, махорка шәшлать сәс. Мучи упа пек мөкөрме, кашкәрла улама, шәнкәрч та тәри пек юрлама, ытти тәрлө кайәк пек чөвөлтетме те шәхәрма пултарать.

Хэлип мучине бригадир сұллен пәрса ани хураллама шанать. Пәрсине, начар пуләхлә сәр синче те усме пултарать тесе-ши, ытларах тәмлә ана тата сырма-сатра тәрәхне акасә. Пәрса хутаҕси тытәнса кәшт тулма пусласанах ачасем тырә анине куҕ хывасә. Симес те чөрө апат аван-ске-ха вәл! Тата хәшән-пәрин килти сәтел те пуян мар. «Разведчиксем» малтан пәрса ани синче икә вырәнта туса лартнә үплесене «тәрәслесә». Вөсем «хуҕи» суккине ыттисене шәхәрсә пәлтәресә. Ушкән ача, пәрса хутаҕси шаларах туллирех тесе-ши, выльәх кәтөвөлле шав малалла талпәнать. Кәштахранах кайәк юрри илтәнсе каять.

Хэлип мучи! Әстан тупәнать вәл? Аллинче — пәр вәсне хыт туналлә йөплө-йөплө тал пиҕен те вөлтөрен сыхнә вәрәм шөшкө патак. Вәл пире хәвалама тытәнать. Утасә унән виҕә-тәватә сұлхи ачаннә пек кәске. Әстан хуса ситтөр вәл пире!

Ѕырма тәрәх унталла та кунталла урайне тәкәннә пәрҗалла сапаланса пәтетпәр.

Тепәр кун та, виҗмине-тәватмине те җакән пек пәтәрмахах кәрсе үкессине пәле тәрах пәрҗа ани җине утатпәр. Пәрҗа хутаҗси куллен тулса пырать те әна җиес килсех тәрәть.

Ѕак кун Хәлип мучи җәпатинчен кәшт җеҗ пысәкрах йыттине те хурала илсе тухнә. Пулкканән сасси, хәйне кура мар, янравлә. Вәл пире пәрҗа хуҗи җывәхах маррине «пәлтерчә». Ача кәтәвә ана җине кәрсе кайрә. Мучипе йытти пирән пата җывхарнә май пәрҗа хәмәләнчен такәна-такәна чупма-тарма тытәнтәмәр.

— Ачасем! Ан хәрәр! Хәве чул чикмен эпә паян! — тет мучи.

— Хәрлә йәм! — кәшкәрәть вәл, — ыттисене пустар! Кунта киләр! Килешү тәвар!

Мучи аллинче җән та патак-мән җук. Йытти те вәрме җарәнчә. Шикленсен те, хамәр хәраманине кәтартас тесе, хуралҗәна хиреҗ утрәмәр.

— Ачасем, — пуҗларә вәл сәмахне, — әнланатәп, сирән пәрҗа җиес килет, хырәм выҗси те кастарәть. Анчах курәр-ха, виҗә-тәватә кунта, пәрҗа җинисәр пуҗне, эсир анана мән чухлә таптарәр. Юрать-и җапла? Ѕук, юрамасть. «Начар пул та вәрә ан пул», — тенә ваттисем. Эпә сире начар тәвасшән мар, вәрә җулә җине те тәрәтасшән мар. Вәррән алли кукар. Пәчәклекх вәрлама вәрәнсен-хәнәхсан мән виличчен кукар аләллә пулса юлатән, «решеткеллә» җүрече хыҗне те лекән.

Мучи кәҗийинчен пир хутаҗсине кәларчә те табак шәршларә, ачху-у! туса илчә, сәмахне малалла тәсрә:

Эпир сирёнпе малашне җапла тавъапър: эсир эпё килнине курсан та таратпър тесе ана җине кёрсе хамала ан таптър. Эсир капал хатланса кёркунне хавърән аҗар-аннёре ёҗ кунёшён паракан пәрҗана пётеретёр. Ана хёрринче, җырма тәрәхёнче, курър-ха, хутаҗҗи маларах та тулать.

Мучи каллех табак шършларё те:

— Ну, килёшрёмёр-и, ачасем? — ыйтрё въл пирёнтен.

Эпир харассан: «Аха-аха», — терёмёр.

— Эс, Хёрлё йём, асли пулатән, йёрке тытатән, — терё мучи мана пысак ёҗ хушнән. — Ытгисен пурин те а́на итлемелле.

Уговор дорожке денег

Дед Филипп — самый низкорослый мужчина в деревне. Таких в народе называют или «обрубками», или «чурбаками». Одет дед Филипп и зимой и летом одним цветом: в сером мышинном кафтане, на голове зимой такая же серая шапка из неизвестного меха, летом — серый колпак. Вместо ремня у него свитая из пеньки и тонкого лыка верёвка. Кстати, дед говорит, что лыко оберегает людей от всех напастей. Летом дед Филипп носит белые тканые онучи и лапти, зимой — те же лапти, но уже с чёрными, ткаными из овечьей шерсти онучами. Лапти у него тоже своеобразные — с широкими носами и длиннющими оборками.

Несмотря на маленький рост, голос у деда Филиппа зычный, раскатистый. А всё потому, что он не курит, а только нюхает махорку и со вкусом, громоподобно чихает. Ещё одна необычность деда Филиппа — это его умение подражать голосам птиц и зверей. Вот он заревёт по-медвежьи, а то засвистит скворцом или жаворонком... Заслушаешься!

Дед Филипп каждое лето охраняет гороховое поле. Стоит стручкам гороха чуточку наметиться, как мы, ребята, устремляемся на это поле и нурвать их, набивать в карманы, в подол рубахи. Как же — витамины, зелень свежая! А если учесть, что у некоторых на столе бывает и совсем пусто — послевоенная пора — пожуют сладкие стручки и утолят голод.

Сначала мы засылаем на поле «разведчиков». Они проверяют оба шалаша, построенные дедом

Филиппом. Если его нет на месте, сигналият нам. И через минуту мы набрасываемся, как саранча, на совсем ещё зелёное поле. И вытаптываем гораздо больше, чем рвём стручки гороха. И вдруг слышим:

— Тр-р-р!..

Жаворонок? Нет, это наверняка дед Филипп подражает пению жаворонка!

Из зарослей первой выныривает крошечная собачка под стать деду Филиппу, по имени Полкан. Следом за ней появляется и сам сторож.

Мы бросаемся врассыпную.

— Эй, ребята, не бойтесь! Я нынче без оружия!

Дед в самом деле без палки. Полкан тоже перестал лаять.

— А ты, монах в красных штанах, — дед Филипп обращается ко мне. У меня, и вправду, штаны, подаренные старшей сестрой, красного цвета. — Собери всех своих дружков и идите сюда. Уговор с вами «подпишем».

Боязливо оглядываясь, мы всё же подошли к деду ближе.

Он начал торжественно, как с трибуны:

— Ребята, понимаю: вам хочется есть. Понимаю... Но посудите сами: за три-четыре дня вы вытоптали, почитай, половину поля. А гороху собрали всего ничего. Вот и думайте: к тому времени, когда горох созреет, от него почти ничего не останется. А ведь вашим родителям на трудодни осенью горох полагается. А горох-то тютю...

Дед умолк. Достал холщовый кисет с махоркой, зачерпнул щепотку, понюхал и оглушительно чихнул раз, другой, третий...

— Ну, что скажете, сорванцы голопятые? Согласны с уговором? Запомните: уговор дороже денег...

— Согласны! — вразнобой отозвались мы все до единого.

— Ты, красноштанник, будешь за командира. С тебя и спрос будет. А теперь нарвите помаленьку стручков — и по домам! — скомандовал дед Филипп и потрусил к одному из шалашей — отдохнуть.

Ан айяпласам

— Арсынкка Хвети каллех хёр сураҫма каять пулмалла, — теҫсё ҫынсем аҫна урампа иртсе пынине курсан шўтлесе. — Ҫур ёмёрне ыгла пёччен ирттерет те пурнаҫё пыл мар пуль ҫав.

— Хвети пичче, аҫта ҫул тытан? — тесе ыйтсан вёл ҫитённисене: «Кўршё ялти кўлё хёрринче пуранакан Кракьян хёрё пёве ҫитнё тенине илтрём. Ҫаванта ытти качҫасенчен маларах хатана ҫитесшён, — тет. — Машар айшши кирлё». Е урахларах ҫаварттарса хурать.

Ачасене вара: «Шёвёрсем, сире валли вёрмана хаваран шайлич тума каятап, — тет. — Шик! шайхарса пуранар, шиклех мённе ан пёлёр, пурнаҫарта ман пек пёччен ан юлар. Манан тавата ывал вайрҫа хирёнче пуҫ хуня. Иккёшё авланма та ёлкёрейменччё. Пёччен пурнаҫ упа пурнаҫё пек, ачасем».

Ака ёнтё виҫё кун кётетпёр. Шантарна шайлич ҫук. Хвети мучи хай пире ялан чавса таршшё тыттарнаран эфир те, шёвёрсем, аҫна суйма калаҫса таталтамар.

Мучи, пёччен пулсан та, ёне тытат. Вёл унпа ҫынпа калаҫна пек калаҫать, аҫна лайах пайхат.

— Ёне пёчёк ҫал куҫ, — тет вёл. — Ёне хавна ҫеҫ мар, килти ытти мён пур чёрчуна тарантарать.

Кёту кёчё. Вильахсем килёсене саланчёҫ. Унтакунта ҫеҫ амашёнчен ҫухалса юлна путек сасси илтёнет. Хвети мучи пирён урамалла хайпарат. Мечёкёпе вылякан ачасем патне ҫитсен вёл: «Шайличсем, ман Улаҫкана курмарар-и?» — тесе ыйтрё.

Ана суйма калаҫса таталнине аса илсе:

— Мучи, Улаҫку Арман ҫырминчи тёпсёр кўлле анса кайна, — терём.

Эпё каланине йышри ачасем те сирёплетрёс.

Мучи сырма патнелле васкарё. Эпир — ун хыссян. Мучирен иртсе кайрәмәр, сырма хёрне унран малтан ситрёмөр. Күлөре чәнах та ёне пусё курәнса кайрё. Сурәмё ула. Мучи ёниех. Вәл та ситрё пирён хыссян.

— Ачасем! Арсынсене чёнесчё. Мён амакёшён унта вәл? Шыв ёсес тенё-ши? — тет мучи хитрелетсе тунә савра авәрлә туйине апла-капла савәркаласа.

Киле чупса кёрсе инкек пирки пиччене пёлтертём. Ытти ачасем унта та кунта чупрёс.

...Ёне ишет-ха: пёр сырантан тепёр сырана кусать, майне тәсса сырантан сүлелле туртәнәнси тавать, анчах урисем айёнче тёрек сук.

Пухәннә ар сынсем ёнене майракинчен ярса тытрёс те сыраналла туртассё. Сук, пуләшаймассё ёнене шывран тухма: вай ситсен те меллё мар.

— Капла майракисене амантатпәр. Вёрен кирлё, вёрен! — терё Михаç пичче.

Килтен хәвәрт вёрен илсе тухрәм. Тепре те тупәнчё.

— Пёр вёренне — ёне хури, теприне малти урисем айне тирмелле, — вёрентет халь сес килсе ситнё Лазәр мучи. Шыва Кёркуç пичче сикрё. Акә сакәр маттур Улаçкана сырана туртса кәларчёс те.

— Хвети мучи, — терём ун умне пырса тәрса, — ачасемпе пёр пулса эпир сана суйма шутланәччё. Анчах инкек акә чәнах килсе тухрё. Ан айәпласам...

— Суйма пёлекен пуйма пёлет тессё. Эсир пуяс тесе мар, хәвәра ялан чавса тәршшё тыттарнәран мана суйма шутланә. Әнланатәп. Сирён суя вара маншән паян ылтәнпа пёр пулчё. Шүтлеме те, юптарма пёлни те кирлё. Вәл сынна хур тумасть, хавхалану күрет, ун тавра-курәмне үстерет.

Ложь — во спасение

— Опять наш мужичок с ноготок свататься поехал, — безобидно шутили односельчане, встречая на пути низкорослого деда Фёдора.

— Да, полжизни прожил в одиночку, несладкая доля выпала человеку, — сочувствовали бедолаге другие.

И дед Фёдор не разочаровывал их, отвечал весело:

— В соседнем селе у тётушки Крахьян, рассказывают, девка созрела. Хочу раньше других женихов к ней посвататься. По женскому теплу соскучился, — балагурил дед.

А нам, сорванцам, как он нас называл, дед Фёдор отвечал по-другому:

— Для вас, сорванцов, стараюсь — в лес за ивовыми прутьями иду. Свирелек вам понаделаю. Свистите во весь дух, чертей отпугивайте.

Вдруг вздохнул и горестно сказал:

— Было у меня четыре сына, все на войне погибли... Двое даже пожениться не успели... Вот и живу один, как медведь в берлоге. Плохо это, ребята, ох как плохо...

Дед Фёдор исчез из деревни на целых три дня, а обещанных свирелек нет. Тогда кому-то и пришла в голову мысль разыграть деда Фёдора, как он нас частенько разыгрывал.

Дед Фёдор, хоть и жил один, держал корову. Он разговаривал с ней как с человеком, ухаживал отменно.

— Корова что родник: не только хозяйина кормит-поит, а всю живность, какая есть в доме, питает, — не раз говаривал дед Фёдор.

Вот эту кормилицу мы и уговорились с ребятами «утопить» в глубоком мельничном пруду.

— Дед Фёдор, а твоя Пеструха в Мельничный пруд угодила, — глядя ему прямо в глаза, соврал я по поручению моих дружков. Те дружно закивали — мол, да, правда...

А стадо уже в самом деле пришло в деревню. Все коровы разошлись по домам, а Пеструхи нет как нет.

И дед Фёдор засеменял короткими ножками к Мельничному пруду. Мы следом за ним, а потом опередили его и видим: из воды торчит пёстрая коровья голова, точь-в-точь похожая на Пеструху!

Тут подошёл и дед Фёдор. Увидел корову и ахнул:

— Пеструха ведь это моя! Зачем она туда залезла? Напиться, что ль? Утонет ведь, окаянная! — Дед беспомощно носился по берегу, перекидывая из руки в руку резной посох.

Я опрометью бросился домой — позвать на помощь братьев. Другие тоже поспешили за подмогой.

Корова пока держится, вытягивает шею, пытаясь выбраться из воды. Но тщетно: ноги её не достают до дна — глубоко...

Вот несколько мужчин ухватили её за рога и стали тянуть к берегу. Но ничего не получилось: можно оторвать бедняге рога.

— Верёвка нужна, верёвка! — крикнул дядя Михась.

Я первым примчался с верёвкой, кто-то принёс ещё.

— Одну верёвку надо пропустить под хвост, другую под передние ноги! — командует только что подошедший дядя Лазарь.

Брат Кергусь, сильный и бесстрашный парень, кинулся с верёвками в пруд.

И вскоре восемь мужчин вытянули Пеструху из воды.

Тут я подошёл к деду Фёдору и, краснея от стыда, сознался:

— Мы, дед Федор, хотели тебя обмануть, а вон как все вышло... Ты уж не сердись на нас, пожалуйста...

— Говорят, кто врёт, тот богатым становится... А вы ведь соврали не ради богатства, так? Оно, ваше враньё, нынче мне золотом обернулось. Так что не вам виниться передо мной надобно, а мне вас благодарить. Ваша ложь пошла во спасение, сорванцы вы эдакие!

И дед Федор, оглаживая со всех сторон свою кормилицу, погнал её домой: пора доить Пеструху.

Вёлтрен сине лартатӑпах...

Якрав вӑрманӗ Канашран курӑнать, — теҫҫӗ пирӗн тӑрӑхра. Ун таврашӗнче — сухаламан пысӑк ҫӗр лаптӑкӗ — Якрав ҫеремӗ. Унта ҫуркунне ытти вырӑнтинчен чылай маларах юр кайса пӗтет. Хура вӑрман хӗвел ӑшшине лайӑх туртса илет пулмалла.

Якрав ҫеремӗ ҫинче, айӑмлӑрах вырӑнта, мур карти пур. Унта тӗрлӗ чире пула вилнӗ выльӑхсене пытараҫҫӗ. Кунтан аякрах мар — ял ҫӑви.

Ял кӗтӗвӗ кунти ҫерем сине уй-хирте тырӑ вырса пуҫтарсан ҫеҫ килеет. Ҫавӑнпа унта курӑк лайӑх ӱсет. Ҫак тӑрӑхра ял ҫыннисен чӗчӗ пӑрӑвӗсен кӗтӗне кӗтеҫҫӗ.

Колхозӑн ӗҫе кӱлмен лашисемпе тихисем те час-час кунта. Паян вӗсене Упа Йӑванюкӗ конюх пӑхать. Вӑл ялти чи ҫӱллӗ те сарлака хул-сурӑмлӑ ар ҫын, пуян ҫынсен хапха юпийӗ пек. Тата ҫав тери вӑйлӑ. Пысӑк ҫенӗ пӱрт пӗренин пӗр пуҫне иккӗн-виҫҫӗн йӑтаҫҫӗ пулсан, вӑл — пӗччен.

Пӑру кӗтӗне кӱршӗри Юкраҫ инкепе пӑхатпӑр. Выльӑхсем тӑранса вытрӗҫ. Юкраҫ инке киле кайса килме пулчӗ.

Йӑванюк пичче утланса ҫӱрекен лаша ҫӱллӗ, вӑрӑм уралӑ. Вӑл колхозри пур лашаран хытӑ чупать. Таврари ялсенче те ҫук ун пекки. Ҫиҫӗм ачасемпе «тусӑлӑ»: хӑйне мӑйӗнчен ачашлама чармасть, утлантарса та ярӑнтарать. Ачасем лашана вӑрӑм курӑк е тырӑ калчи татса хыптарасҫӗ, ҫӑкӑр та парасҫӗ. Ҫиҫӗм ҫитӗннисене, конюхсемсӗр пуҫне, ҫывӑха никама та ямасть.

Йăванюк пичче иккѣмѣш сехет пуль «хуп турттарать». Џиѣме утланса љурес шухăш пырса кѣчѣ. Ана татнă пѣр ывăѣ љурхи тырă калчи патăм, ачашларăм. Вăл мана тав тунăн калчана пуѣне уха-уха љирѣ. Унтан йѣвенѣн лаша мăйне чăрканă чѣлпѣрне сўтрѣм, вѣѣне йѣвенѣн тепѣр ункинчен љыхрăм, чѣлхесѣр янавара айлăмлă вырăна уттарса пырса чѣлпѣрне мăйѣ љине хутăм. Сулахай урана чѣлпѣр љине пусса тăрмаша-тăрмаша лаша љине утлантăм-утлантăмах.

Џиѣм вырăнтан тапранчѣ. Ана чугун љул еннелле тытрăм. Чѣлпѣрне кăшт-кашт турткаласанах вăл юртăпа чупма тытăнчѣ. Чугун љул урлă каљрăмăр. Вăрманкасси ялѣ те инље мар. Ялампи аппасем патне љитсе мухтанас килчѣ. Лашана љурт умне тăратса хăварса пўрте кѣтѣм.

— Ялампи аппа, лашапа килтѣм! — тетѣп.

— Лаши аљта? — ыйтат вăл.

— Урамра.

— Кăкарнă-и эсѣ а̀на?

— Маннă.

Урама тухрăмăр. Лаша љук. Каялла пѣчченех кайнă. Хыљалтан чупрăм. Џиѣм чугун љул хѣрне љитсе пырать. Шупашкар енчен пăравус хăпаратъ, аякра та мар. Вăл хыттан кăшкăртса ячѣ. Унтан тата, тата... Поезд вашлаттарса иртсе кайрѣ.

Џиѣм а̀йăккинелле сикрѣ: чупса тарасшăнчѣ пуль. Тăрăнса кайрѣ. Акă љитрѣм. Ўкнѣ чѣлпѣр малти урисене љыхлантарнă. Тутипе сăмсинчен юн тумлатъ. Умѣнче — самай пысăк чул. Туртăнса хытнă чѣлпѣрѣн пѣр вѣѣне аран-аран салтрăм, лаша урисене ирѣклетрѣм. Вăл тăчѣ, пуѣне силлесе илчѣ, чугун љул урлă каљса кѣтў патнелле юрттарчѣ. Эпă хыљран чупрăм.

Ийванюк пичче вӑранӑ. Пӑрусене сурхи калча синчен хӑваласа кӑларать.

— Аста сӑрерӑн? Куратӑн-и пӑрушшусем калчана таптаҫсӑ! Сисӑме мӑн пулӑн-ха тата? — ыйтать вӑл хыпӑнса. — Тута та сӑмса сунаттисем юнӑхнӑ.

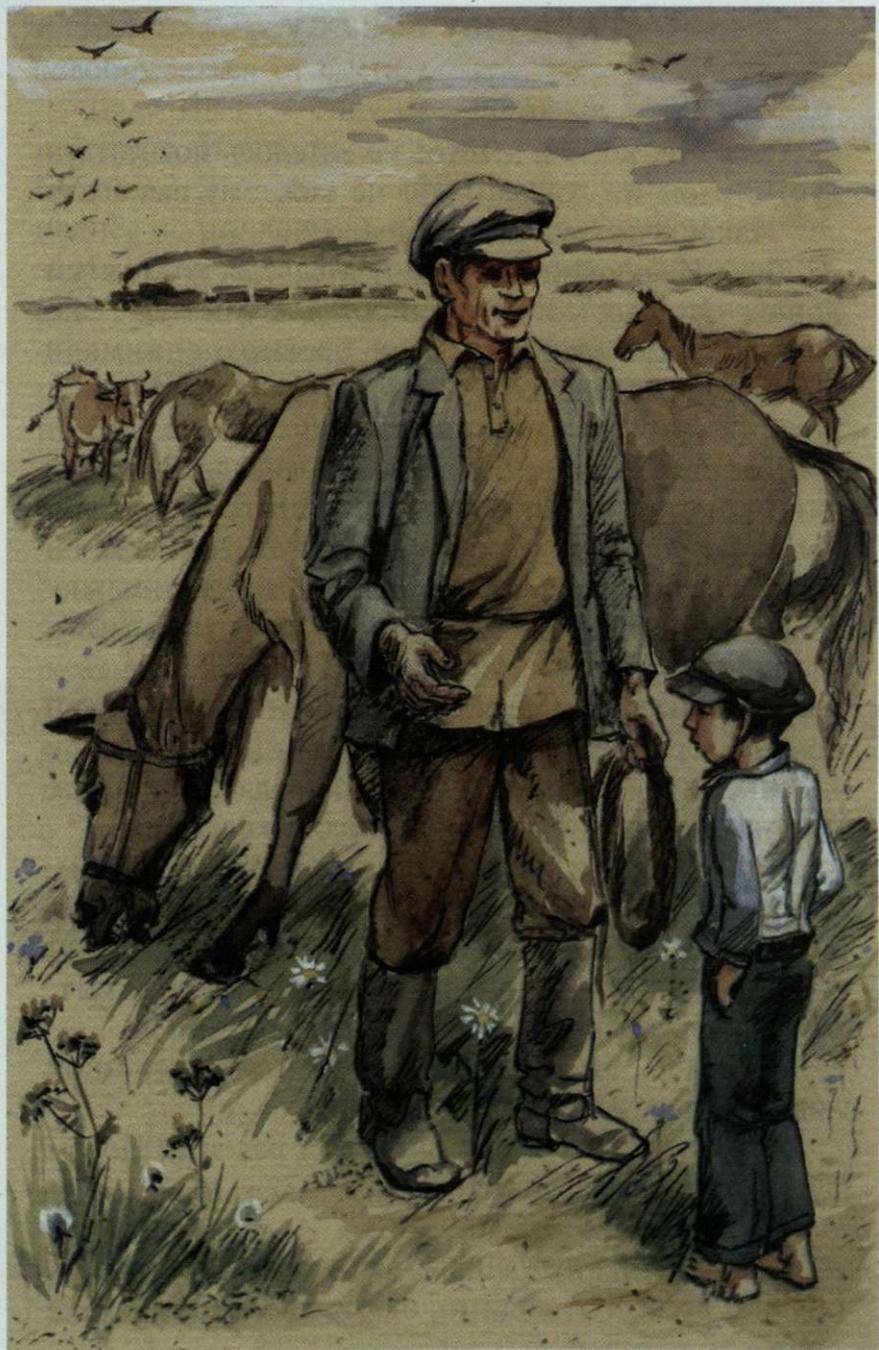
Мӑн пулнине тӑпӑ-йӑрӑпе каласа патӑм.

— Сисӑме поезд таптанӑ пулсан, — тет Ийванюк пичче. — Сана нимӑн те мар. «Вӑрлаканӑн — пӑр сӑлӑх, сӑхатаканӑн — сӑр сӑлӑх», — тенӑн мана милицие сӑтӑрсе тӑнран кӑларатчӑс, пысӑк укса тӑлеттертчӑс.

— Айӑплӑ, — тетӑп. — Аттепе анне колхоз членӑсем. Апла колхоз лаши пирӑн те.

— Хӑвна кура мар ӑслӑ эс, шӑпӑн, — тет пичче, мана шӑвӑр пӑрнипе тӑллесе. — Сакна ӑнлан: эсӑ паян пӑрусем кӑтетӑн — вӑсемшӑн яваплӑ. Санӑн пӑрусене киле тӑрӑс-тӑкел ситермелле. Манӑн — лашасене. Хӑвӑн маррине нихӑсан та ан тыт, ан хапсӑн: вирелле килсе тухма пултарать. Тепре кирек-хӑсан сӑпла хӑтлансан вӑлтӑрен сине лартатӑпах...

В крапиву посажу...

Скажите, кому в детстве не хотелось покататься верхом на лошади? Но не каждому выпадало такое счастье. А мне выпало.

Дядя Иванюк, по прозвищу Медведь, колхозный конюх. Это был могучий, широкоплечий мужчина, сильный, как медведь. Если бревно поднимали двое-трое неслабых мужиков, то дядя Иванюк подбрасывал его один, как спичку.

Под стать хозяину была у него и лошадь. Высокая, длинноногая, она обгоняла всех других лошадей. Звали её Молния. Словом, в округе не было ей равных ни по красоте, ни по силе. И что удивительно: она очень «дружила» с нами, с малышнёй, позволяла трепать себя по холке и даже садиться верхом. Мы платили ей тем же — угощали свежей сочной травой, всходами яровых, а иногда и кусочками хлеба. Взрослых же, кроме дяди Иванюка, Молния никого и близко не подпускала.

Дядя Иванюк доводился нам родственником, близким или дальним — не знаю. И вот однажды, заглянув к нам на огонёк, он и отец покурили, поговорили, и вдруг дядя Иванюк говорит, обращаясь ко мне:

— Слышь, ты, голопузик, хочешь завтра со мной лошадей пасти?

Я, услышав это, так и онемел от радости. Потом очнулся, заикаясь, заорал:

— К-конечно, хочу!

И вот мы на лугу Якрава, что раскинулся вдоль опушки леса. Луг, видимо, от хорошего солнцепёка

и от тепла густого леса начинает раньше всех освобождаться от снега.

Дядя Иванюк спит уже, пожалуй, два часа, а то и больше. И я подумал: а не прокатиться ли мне на Молнии? Я нарвал полные горсти озимой ржи и поднёс ко рту лошади. Она с удовольствием забрала зелёную травку мокрыми губами и благодарно посмотрела на меня умными глазами. Я осмелел и стал распутывать ей ноги — их связал кожаными путами дядя Иванюк. Затем взял лошадь под уздцы, повёл в низинку, чтобы с горки как-нибудь взобраться ей на спину. Мне удалось это сделать лишь с пятой попытки. И всё равно радости моей не было предела.

Молния послушно тронулась с места. Я направил её в сторону железной дороги. Стоило мне чуть-чуть натянуть повод, как Молния пошла лёгкой рысцей. Вот мы миновали железную дорогу. Недалеко и до соседней деревни Лесная, где живёт моя родственница — тётя Яламби. И я решил похвастаться перед ней: в два счёта домчались мы с Молнией до деревни. Остановившись возле ворот тети Яламби, я вошёл в дом.

— Батюшки, никак это ты, Осип?! — воскликнула удивлённо тётя Яламби.

— Я, тётя Яламби. На лошади верхом приехал...

— А где ж лошадь-то, Осип?

— На улице, у ворот.

— Ты привязал её?

— Нет...

Мы выбежали за ворота — лошади не было.

— Да вон она, к железной дороге подходит, — углядела дальнорезким глазом тетя Яламби. — Беги, догоняй скорее!

Я помчался что было сил. А в это время со стороны Чебоксар движется поезд. Вот он просигналил раз, другой, третий... Молния с перепугу кинулась, наверное, бежать и запнулась о камень. Когда я подбежал к ней, она лежала около большого камня и отфыркивалась. Упавшие поводья спутали ей ноги. Губы и ноздри её были в крови. Дрожа от страха и жалости к Молнии, я распутал поводья и освободил ей ноги. Молния встала, отряхнулась и, перебежав рельсы, помчалась к табуну...

Я плёлся следом и думал, какое наказание ждёт меня от дяди Иванюка...

— Ты где это шляешься? Иль не видишь, лошади все разбрелись кто куда. И с Молнией чего-то приключилось — морда в крови...

Тут я разрыдался и рассказал всё как на духу.

— Да-а, — протянул дядя Иванюк. — Если бы поезд переехал Молнию, тебе бы ничего, а меня бы тотчас в милицию, потом штраф огромный заставили бы заплатить.

— Не только тебя бы заставили платить, — шмыгая носом, пытаюсь я оправдаться. — Мои отец, мать тоже ведь члены колхоза, а Молния — колхозная лошадь. Значит, и наша тоже...

— Ишь ты, умник нашёлся! — незлобливо цыкнул на меня дядя Иванюк. — Запомни: никогда не бери ничего чужого. Рано или поздно оно тебе выйдет боком... А за эту проделку тебя в самый раз бы посадить голой задницей в крапиву. Да ладно, так и быть, прощаю...

Туслик

Вёрентекенсем асларах класрисене шукул таврашне йываҗ лартма вәрманта пёр-ик сул маларах шатса тухнә хунавсене кәкласа килме хушрәҗ. Вёсемпе пёрле эфир те, пусламаш класа сүрекенсем — Тулюҗ, Лявук, Тариҗ тата эпә кайма пултәмәр.

Вәрмана аслисемсёр сүремен, хәранә.

— Унта таркәнсем пур, — тесе час-часах хәратнә пире. Вәрманкас вәрманё (кунта — Сусай кўлли) Шәхаль вәрманёпе пёрлешсех кайнә. Кўлө, атте-анне каланә тәрәх, сав тери тарән. Ансартран сүхалса кайса унта сиксен, шывё сивёрен, ал-урана шәнәр туртса лартать, ёссен — сасә тухми тавать.

...Пилёкшер сәка та вёрене, хурән кәкларәмәр. Тирекпе әвәс та пур. Ялалла утма та юрать.

— Шёвёрсем, — терё таваттәмёш класра вёренекен Тяпук (сулөпе шутолсан улттәмёш класса сүремелле унән) — Сусай кўллине курас килет-и сирён? Сак сырмарах вәл, айтәр.

Кўлли пире каласа хәратнә пысакәш сук та иккен. Урләш та тәршшө ултә-сичё метр сөс. Унта — темёнле виҗё япала. Савраки, ёне сәмәнчен йәваласа тунә мечёк пекки, шыв сийён сёкленнө, ишнөн туйәнчө. Сывәхарах пырсан — йытә сурисем. Иккөшө вилнө. Пёри — чөрө! Сийёмри пиншака хыврәм та кўлле сикрём, йытә сурине ярса илтём, пуҗ тўпи шывпа витмеллех путрәм. Урасем сөре перёнчөс те тапса ярса сүлелле хәпартәм. Тяпук лартма кәкланә йываҗса илнө те пёр вёсне мана тәсса парать.

— Тыт, йываҗсран тыт! — кәшкәрать вәл. — Йытә сурине пәрах!

Сук, аларан ямарам эпё а́на. Акá сырана тухра́мър та.

— Сак кúлле, — терё Тяпук, — анне каланá тáрãх, сынсем тахсантанпах темёнле вая сурастарма, йытá та кушак сури, чãх-чёп пáрахаçсё. Саванпа аннесем пире, чир-чёр ересрен, кунти шыва ан ёсчёр, унпа ан сáванччáр тесе вáл тарáн тата сивё шывлá тессё.

— Усук, пáрах йыпá сурина, — тет вáл каллех мана, — пáрах. Вилме килсе янá вёсене кунта. Тен чирлё те.

— Сук, пáрахмастáп, — тетёп. — Чёрё вёт вáл, чёрё. Киле илсе каятáп.

Йытá сурина пиншакпа чёркерём те хама йáтма панá йывáссене алла илсе, кёпе-тумтир тáрãх шыв юхтарса, ялалла сул тытра́м.

...Тúрех улмуçсисем айёнчи ўпле патне утра́м. Чёркеме салатра́м та йытá сурина сара́хма тытáнна кура́к сине ята́м. Вáл ура сине чиперех тáчё, хúрине выляткаларё. «Эсё пулатáн-и манáн хуça малашне», — тесе куçран пáхнáн туйáнчё.

— Санáн мана итлемелле, эпё мён хушнине тумалла, — терём а́на. — Халлёхе сак ўплере пурáнáн, кайран — куç курать. Кунтан ниçта та тарма ан шутла. Халё сан валли сёт илме каятáп.

Ирхи сёт хáймаланма тытáнна. А́на ула́м витёр сáта-сáта сыпса пысáк мар куркана тултарта́м. Сёт чакни кун пек те, хáйми савáт сумне ларса юлнáран, лайáхах палáрать иккен.

— Сёте катáк сáтмана ята́м, йытá сурина лартса патáм. Шáршласа та пáхмаст вáл. Сáмси-тутине сётлё савáта тёкетёп: пёрах нимён те а́нланмасть, пуçне пáркалать сес. Киле кайса пысáк мар кашáк илсе килтём. Йытá сури сáварне уçса сёт яратáп. Сáтать, майёпе сáтать!..

Тулюç та ситрё. Вáл та сура сёт сáтнáшáн саванчё.

— Каҫхи савәм хыҫҫан хама ярса панә ашә сәтпе каллех пахчана васкатәп. Ҷура ҫаварне-сәмсине сәтлә савата тәкетәп. Вәл ашә сәт тутине хавәрт илчә, пәчәк хәлхине вылята пусларә. «Урра! — кәшкәрас килсе кайрә. — Ёнтә пурәнаты!»

Йытә ятсәр пулмасть. Мәнле йыхәрмалла-ха аһа? Ҷурана виләмрен ҫалтәм. Эпә уһан тусә. Апла вәл та манән тус. Туслик пултәр. Чи лайах ят! Ҷакәнпа Тулюҫ та киләшмесәр тама пултараймарә.

— Михәре пәшатан усрайман, — тенә пек анне Туслике курнә. Пәррехинче вәл мана:

— Пахча аләкә патәнче сәрә йытә Ҷури тәрәтә, кашкәрән, тейән. Ятларәм та пахчари ўпле патнелле тарчә, — терә. — Хыҫран карәм, курмарәм. Анчах ўплере чәштәртатнә сасә илтәнчә.

— Туслик унта, анне, — терәм.

— Мән тата вәл?

— Йытә Ҷури. Вәрманти Сусай кўллинчен, вилме яһәскере, тупса килтәм. Вәл самай пысәкланчә.

— Мән ҫитерсе усратән аһа? — тәпчет анне.

— Малтан сәт, хама панине. Халә темән те ҫиет, тиркемест.

— Йытта пәччен усрасан вәл тискерленет, — терә анне. — Йытән хўри кукәр тенә. Тем курса ларәпәр. Каярах хәвна та ҫыртса пәтерә. Илсе кил килкартине, лупас айне йәва туса пар. Килтисене те выльах-чәрлөхе хәнәхтәр. Мәншән маларах каламарән кун пирки?

— Ятласран хәрарәм, анне.

Килтисем йытта юратаҫсә, ачашлаҫсә. Анчах хәйне кәшт ятласанах шәлне йәрет: «Айәплә, анчах айәпәм питех пысәк мар, тўрленәп» — тет-ши.

— Тем курса лармәпәр-и ку йытәпа, — теме пусларә анне. Йытта, хўрине пәлтәртаттарса кәтсе илсен те шанма ҫук теҫсә те. Ку вара килтисене шәмарәтә.

— Кашкәр пекех ку йытӑ, — теҫҫе ялти ҫынсем. — Тесе те ҫавнашкал, хӑйне тыткалани те. Куҫсем епле ҫиҫеҫсе тата!

...Туслик килте пурӑнма тытӑнни ҫулталӑк ытла иртрӗ ентӗ. Вӑл ҫитенсех кайрӗ. Ҫанталӑк сиветсе пырат. Певесенчи шыв пӑрпа витенчӗ. Анчах ачасем унта ура ярса пусман-ха.

Шкултан таврӑнсан Туслике сӑнчӑртан вӗҫертрӗм те урама тухрӑмӑр. Хамӑр ҫуртпа юнашар пӗве пӑрӗ сивӗ хӗвел ҫутинче илӗртӗллӗн йӑлтӑртатса ыртать. Туртать вӑл хӑй патне, асамлӑ вӑйпа илӗртет. Ҫырантан чупса анса пӑр ҫине ярӑнса кӗрсе кайрӑм. Ҫур пӗвене ҫитес пек чухне шыв тӗпнелле чул пек чӑмрӑм. Ҫав вӑхӑтра ҫыранри Туслик йынашнине илтсе юлтӑм.

Аласемпе урасене еҫлеттерсе, телее, шӑп хам шыва сикнӗ ыраӑна хӑпартӑм. Туслик унта ҫитсе тӑма та елкӗрнӗ. Вӑл мана пиншакпа кӗперен хул пуҫҫи тӗлнерехрен ҫыртрӗ те шывран тухма пулӑшрӗ, пӑр тӑрӑх сӗтӗрме тытӑнчӗ. Хам та, мӗн пултарнӑ таран, ӑна пулӑшрӑм.

Таҫтан виҫе-тӑватӑ ҫын тупӑнса пӗве хӗррине пырса та тӑнӑ.

— Уҫук, вӑт ку санӑн йытӑ-тӑк йытӑ, мӗн виличчен усра ӑна, — терӗҫ харӑссӑн.

...Акӑ кӗршӗри Олиҫса аппа пуҫенчи хӗрлӗ тутрине салтса мана ҫыхса ячӗ. Кун пек тусан «шыври» мана ураӑх хӑй патне «чӗнмест» пулать иккен.

— Малашне те йыттуна лайӑх пӑх, — терӗ анне. — Вӑл пулман пулсан...

Туслик-дружок

Старшекласников отпустили с уроков пораньше — они собрались пойти в лес за саженцами для школьного сквера. Мы — я, Толян, Лёва и Даша — тоже увязались за ними, потому что одни ходить в лес боимся. Говорили, что там живут какие-то беглые, да к тому же есть глубокое-преглубокое озеро Сузай. Если заблудишься в лесу, обязательно угодишь в это озеро. А вода в нём ледяная, сразу скуёт руки-ноги и...

Мы выкопали по пять липок, клёнов и берёзок, а кто-то нашёл ещё и осинку с тополем. Можно возвращаться домой.

И тут долговязый Тябук из четвертого класса (он должен вообще-то учиться в шестом, но в некоторых классах сидел по два года и отстал от сверстников) говорит:

— Эй вы, сопляки, хотите увидеть озеро Сузай? Оно тут, недалеко совсем... Ну, идем?

Озеро оказалось совсем небольшое — и в длину, и в ширину метров шесть-семь. Так что зря нас взрослые пугали, мол, оно громадное, бездонное. Когда мы подошли совсем близко, то увидели какие-то плавающие круглые комочки, похожие на сваленные из серой шерсти мячики. Приглядевшись, мы так и ахнули: это же щенята! Двое из них, кажется, уже были мертвые, третий слабо шевелился...

Не раздумывая, я скинул пиджак и прыгнул в озеро. Ухватив щенка, я с головой нырнул в воду, оттолкнулся от дна и вынырнул наверх. К этому времени Тябук уже успел протянуть мне конец выкопанного деревца и заорал:

— Брось щенка! Хватайся за дерево!

Захлёбываясь, я крикнул в ответ:

— Нет, не брошу! Он живой, живой!..

Выбрались на берег. Я завернул щенка в свой пиджак и прижал к себе.

— Ну и дурак! Чуть было не утонул из-за какого-то щенка! — продолжал кипятиться Тябук. — Брось его! Его же сюда утопить принесли, может, он больной какой...

— Не брошу! — стоял я на своём. — Он же живой, живой, как ты этого не понимаешь? Не брошу, возьму домой.

И мы пошли. В одной руке я нёс свои деревца, другой прижимал к себе спасённого щенка. Он уже согрелся и уснул, а с меня стекали струи воды. Но мне не было холодно — я чувствовал тепло моего друга Туслика. (Я на ходу придумал ему имя: Туслик значит Дружок).

...Я решил поместить Туслика в саду в шалаше под яблоней — боялся, как бы мама меня не заругала. Когда развернул пиджак, щенок сразу встал на лапы, завилял хвостиком. Мне даже почудилось в его глазах: «Теперь ты мой хозяин».

— Ты меня должен слушаться, — приговаривал я, лаская щенка. — Я сейчас схожу за едой для тебя, а ты сиди здесь и никуда не убегай.

Я налил в миску молока и принёс Туслику. Но он даже не понюхал предложенную еду. Тогда я сбегал за ложкой и стал поить его с ложечки. Ура! Лакает с ложки, старается!

Вечером мама подоила корову и налила мне, как обычно, кружку парного молока. Я незаметно от неё нырнул в огород и налил тёплого молока

Туслику. Как он принялся лакать — это надо было видеть! Его язычок мелькал так быстро, что я не успевал его разглядеть. Я чуть было не заорал от радости: «Ур-ра! Мой Туслик теперь будет жить!..»

— А хорошее имя я ему придумал — Дружок. Я спас его, и я ему теперь друг, да? — спросил я подошедшего к нам Толяна.

Толян согласился:

— Хорошее. Друг — это хорошо...

Однако шила в мешке не утаишь — мама скоро узнала про Туслика:

— Щенок чей-то серенький возле калитки появился. Я его пугнула, а он к шалашу со всех ног кинулся...

— Это Туслик, мама...

— Какой ещё Туслик? Кто это?

— Щенок. Я его в озере Сузай выловил. Его туда утопить кто-то бросил, а я спас. Он уже заметно подрос...

— И чем ты его кормишь?

— Сначала поил молоком, что ты мне наливала. А теперь он ест всё подряд...

— Собака дичает, если её растить в одиночку, без людей. Кто знает, что у неё на уме. Возьмёт да и тебя укусит. Так что давай приведи щенка во двор, пусть привыкает и к людям, и к овцам, коровам... А чего ты сразу не сказал про него?

— Боялся, что заругаешь...

...Туслика полюбили все домашние. Он был ласковый и добрый, но стоило кому-нибудь на него прикрикнуть, Туслик зло оскаливался и начинал рычать. Мама пугалась и встревоженно говорила:

— Беды бы не увидеть с твоей собачкой — вон как ощеривается.

А когда кто-то из односельчан высказался, мол, не волчонка ли вы пригрели, она и вовсе потеряла покой.

— Гляди, Узюк, он и, вправду, на волка похож: серый, глаза вон блестят как у волка...

— Да нет, мама, Туслик — собака, хорошая, преданная. Ну хочешь, я её буду на цепи держать? Только ведь от этого она станет ещё злее, сама знаешь.

И мама успокоилась.

...Настала зима. Озеро покрылось льдом, правда, лёд ещё тонок, и никто не осмеливается на него ступить.

Как-то, придя из школы, мы с Тусликом выбежали на улицу погулять. Туслик почему-то побежал прямо к пруду, что за околицей, я — за ним. С ходу, разбежавшись, я прокатился по льду и на середине пруда с головой ухнул в ледяную воду!.. И лишь услышал, как Туслик, оставшийся на берегу, жалобно заскулил. Я же, отчаянно работая руками и ногами, сумел-таки выбраться к тому месту, с которого ушёл под воду. Туслик уже сидел здесь, у полыньи, и как будто ждал меня. Стоило мне появиться, как он ухватил сильными зубами меня за шиворот и поволок по льду к берегу. Я, как мог, помогал ему.

А на берегу уже появились несколько человек — прибежали на помощь.

— Ну у тебя и собака, Узюк! Умница! Ты её до самой смерти держи и благодари, — сказали разом. А соседка тётя Олеся сняла со своей головы красный платок и повязала мне на шею. Сказала, что после этого «водяной» больше никогда не затащит меня в воду.

— Ты теперь всю жизнь благодари Туслика. Если бы не он... — утирая слёзы счастья, сказала мама. — Не зря ты его так назвал: ты спас Друга, он спас тебя.

Тупмалли

Юрий Сементер. Ырă ёс	3
<i>Юрий Семендер. В добрый час</i>	<i>5</i>
Пёрремёш урок	7
<i>Первый урок. Перевод В. Степанова</i>	<i>10</i>
Тимёр кăмака	12
<i>Печка-буржуйка. Перевод В. Степанова</i>	<i>14</i>
Салтак пулатăпах!	16
<i>Стану я солдатом! Перевод В. Степанова</i>	<i>19</i>
Ватă ҫынран кулакан... ..	21
<i>Насмешник. Перевод В. Степанова</i>	<i>24</i>
Урăх ун пек тумăп	26
<i>Больше так не буду. Перевод В. Степанова</i>	<i>29</i>
Виҫмесёр туяннă кёпе	31
<i>Рубашка без примерки. Перевод В. Степанова</i>	<i>33</i>
Туман айăпшăн — айăплав	35
<i>Без вины виноватый. Перевод В. Степанова</i>	<i>38</i>
Ырă туни ырапа таврăнать	40
<i>Добро добром вернётся. Перевод В. Степанова</i>	<i>42</i>
Кўрентертён — қаҫару ыйт	44
<i>Обидел — попроси прощения. Перевод В. Степанова</i>	<i>48</i>
Пулă шўрпи	51
<i>Ушица. Перевод В. Степанова</i>	<i>53</i>
Ҫулăм чёлхи вăрăм	55
<i>У пламени язык длинный. Перевод З. Романовой</i>	<i>58</i>
Кино хакё	61
<i>Сколько стоит кино? Перевод З. Романовой</i>	<i>63</i>
Вут пек вайли, ҫил пёк усалли ҫук	65
<i>С огнём шутки плохи. Перевод З. Романовой</i>	<i>67</i>
Паклаттар, ывăлам, паклаттар	69
<i>Затягивай, сынок, затягивай... Перевод З. Романовой</i>	<i>72</i>
Вайăран — вăкăр	75
<i>Играй, да меру знай. Перевод З. Романовой</i>	<i>78</i>
Ҫурăм хыҫне алă ҫитмесен	80
<i>Когда руки коротки... Перевод З. Романовой</i>	<i>82</i>
Хёрлё йём	84
<i>Уговор дороже денег. Перевод З. Романовой</i>	<i>88</i>
Ан айăпласам... ..	91
<i>Ложь — во спасение... Перевод З. Романовой</i>	<i>93</i>
Вёлтрен ҫине лартатăпах... ..	96
<i>В крапиву посажу... Перевод З. Романовой</i>	<i>100</i>
Туслик	103
<i>Туслик-дружок. Перевод З. Романовой</i>	<i>107</i>

Узьп Асан

(Алексеев Осип Алексеевич)

ИГРАЙ, ДА МЕРУ ЗНАЙ

Рассказы

На чувашском и русском языках

Редактор *Ю.С. Семендер*

Корректор *Е.С. Ивашова*

Компьютерная вёрстка *Т.В. Алексеевой*

Рисунки *И.В. Алексеева*

Оригинал-макет типографии «Новое Время».

Подписано к печати 28.11.2008. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Физ. печ. л. 7. Тираж 1000 экз. Заказ № 142.

Отпечатано в типографии «Новое Время».

428034, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.

Тел.: (8352) 41-27-98, 46-43-46. E-mail: newtime1@mail.ru.

